

БИБЛИОГРАФИЯ 1862 г.

〈ИЗ № 1 «СОВРЕМЕННОГО»〉

Этюды. Популярное чтение Шлейдена. Перевод с немецкого профессора Московского университета *Калиновского*. Москва. 1861¹.

Шлейден приобрел себе известность в ученом мире своими трудами и открытиями по части ботаники и растительной физиологии; а публике не ученой он известен, как автор популярного сочинения «Растение и его жизнь». Ботаника, как видите, это его специальность; ею он занимался с успехом, приобрел себе порядочную репутацию, как знаток своего дела, отлично владел микроскопом и анатомическим ножичком, умел следить за растительной пылью и плодотворными крупинками, — кажется, чего же больше? И следовало бы ему всегда подвизаться на этом поприще, где он был как дома, как в своей тарелке; так нет же, область ботаники показалась ему тесною, он рванулся в другие области и другие сферы, воображая, что и здесь ему будет так же привольно, как в ботанике, и здесь он не скомпрометирует себя и сделается мастером дела. Следствием такого порыва и были многие неботанические статьи Шлейдена, несколько скандализировавшие его ученость, в том числе и настоящие «Этюды». Содержание их самое разнообразное: душа растений, мечтание естествоиспытателя в лунную ночь, Валленштейн и астрология, волшебство и суеверие, природа звуков и звуки в природе и т. д. Но самый интересный этюд это — Сведенборг и суеверие²; уже одно имя Сведенборга невольно тянет внимание к этому этюду.

Сведенборг был человек весьма замечательный по своей странной судьбе и по тому перевороту, который случился в его голове. В свое время он был знаменитым, первоклассным ученым, отлично знал математику, астрономию, физику и другие естественные науки; не одна теоретическая сторона этих наук занимала его: он трудился над их практическим применением, писал практические и технические сочинения, сделал много разных улучшений в производствах и промышленности, усовершенствовал и почти совершенно преобразовал горное дело в своем отечестве, Швеции. Никак нельзя было ожидать от такого практического человека

каких-нибудь мечтательных странностей. И вдруг в 1747 году он удалился от всех деловых занятий, стал часто уединяться и уверял всех, что душа и духовное тело его иногда отрешаются от естественной плоти. В этом состоянии он будто бы мог путешествовать по планетам и другим небесным телам, мог видеть и слышать все, что там делается. Он издавал описания своих путешествий и в них рассказывал свои наблюдения; говорил, что духи на небесах ведут ученые диспуты о предметах, занимающих и нас, земнородных, что на некоторых планетах живут существа, не похожие на людей, имеющие шарообразную форму, а на других — совершенно схожие с людьми, но только не умеющие произносить букв «и» и «е»; видал он там и умерших людей, их занятия, образ жизни и развлечения, разговаривал и толковал с ними, беседовал с Лютером, Магометом и другими. Как ни странны были его рассказы и уверения, однакож, нашлись люди, которые от всей души поверили им, признали Сведенборга за духовидца и человека необыкновенного и образовали большую секту, которая существует и до сих пор, твердо веруя в истину слов Сведенборга, и которая, говорят, в последнее время даже сильно стала увеличиваться. — Сведенборг не единственное явление в своем роде; история представляет много личностей, подобных ему, которые тоже проповедывали и выдавали за истину разные сказки и несбыточные фантазии, говорили то, что совершенно противно здравому смыслу и всей природе человека. Однакож им верили, и многие из них приобретали многочисленные кружки и секты последователей. Что же это за личности такие, и что им за охота была проповедывать разные небылицы и уверять людей в очевидных нелепостях? «При размышлении о Сведенборге, — говорит Шлейден, — невольно рождается вопрос: был ли он плут, трунивший над простотою легковерных читателей, был ли обманщик, под личиною религиозного мечтательства набиравший последователей для корыстных целей? На это мы отвечаем с полною уверенностью: нет, он не был ни тем, ни другим». В доказательство он указывает на честный и благородный характер Сведенборга и на все его поведение. То же самое можно сказать и о всех других мечтателях, имевших последователей, подобно Сведенборгу: они не были ни обманщиками, ни плутами, отличались строгостью жизни, честным характером и безукоризненным поведением. Но этого мало: если бы Сведенборг и ему подобные действовали обманом, они бы не имели последователей. Человек, говорящий неискренно, если и может увлечь кого-нибудь, то, во всяком случае, не надолго; сети обмана очень непрочны; кто-нибудь из обманутых может рано или поздно заметить их и образумить других, и тогда — горе обманщику, доверие к нему теряется навсегда. Легковерие удобно поддается обману, но так же удобно и оставляет его. Только искренность убеждения дает человеку силу, покоряющую ум и сердце другого. «Кто же был Сведенборг? — спрашивает Шлейден. —

Скажем, — отвечает он же, — категорически: помешанный, но добродушный и совершенно безвредный. Если бы он клялся всем для него священным, что он подлинно видел и слышал все, о чем рассказывает, то это нисколько не мешает ему оставаться в то же время вполне честным и правдивым человеком». Это вполне может быть применено и к другим восторженным мечтателям вроде Сведенборга. Они твердо были убеждены в том, что проповедывали, и говорили то, что хотя и было в существовании дела нелепостью и вздором, но им казалось истиной вследствие их умственного расстройства; все необыкновенные случаи, происходившие только в их расстроенном воображении, представлялись им, по той же причине, действительными фактами. Поэтому они твердо стояли за свою истину, готовы были жертвовать для нее всем, даже самую жизнь; это-то и сообщало их словам убедительность и силу, которой трудно было противиться. Но эта истина есть истина для них, людей, нездоровых умом; а для других, для здорового ума, она есть ложь, которой не следует верить, несмотря на все их клятвы и жертвы, так соблазнительно действующие на сердце. Строго говоря, они обманывали других, потому что обманывались сами, и, таким образом, вместо истины, или вместе с частицей истины, распространяли в большом количестве ложь и неправду, которая соблазняла и губила многих, так как она противоречила основным началам здравого смысла. Поэтому их никак нельзя назвать «безвредными»: они стесняли человеческий разум и колебали его доверие к своим силам. Разум видел в их словах противоречие своим законам и не мог принять их положений; но чувство, увлеченное искренностью проповеди, невольно влекло и его к принятию этих положений; он начинал сомневаться в верности своих законов, наконец, совершенно отказывался от них, подчиняясь чувству, и нередко приходил к такому заключению, что законы и требования чувства вернее и обязательнее законов и требований ума даже в той области, которая исключительно принадлежит уму. Все это должно было чрезвычайно замедлить развитие ума. — От чего же происходит то, что мечтатели несуществующие предметы признают действительными, и откуда у них самих берется уверенность в действительном бытии этих предметов? На это Шлейден отвечает так:

«Вследствие болезненного состояния (в чем бы оно ни заключалось, положим даже в одном только нарушении равновесия нервной силы в отдельных частях нервной системы, что легко может произойти от одностороннего упражнения известных групп нервных волокон) деятельность мозговых волокон, обуславливающая представление определенного предмета, может быть до того жива, что распространяется на зрительный нерв, и, как скоро это случилось, человек теряет единственную возможность отличать мысленные изображения от действительных. Тогда происходит то, что научно называют галлюцинациями, или обманами чувств. Человек видит несуществующие перед ним предметы так ясно и отчетливо, как действительные, слышит голоса там, где никто не говорит, а самого себя почитает в то же время лишь пассивным зрителем всей этой фантазмагии».

Это-то и было с Сведенборгом. Получивши уже в ранней молодости ложное направление, по своей юношеской впечатлительности и потому, что отец его тоже имел большую склонность к мистической теософии, Сведенборг поддерживал это направление, предаваясь непомерным богословским занятиям и неосторожно углубляясь в философские исследования. Усиленный труд, ночные занятия, постоянное умственное напряжение должны были произвести, даже и в его железном организме, некоторые расстройства; наивно рассказанная им самим комическая сцена первого его видения наводит нас на причину умственного его расстройства, заключающуюся в брюшных зава-лах. Поужинав плотно поздно вечером в одном лондонском трактире, к концу ужина он увидел перед собою облако, а вокруг комнаты ползающих отвратительных пресмыкающихся, змей и жаб. Вскоре затем этот мрак рассеялся, и тогда в углу комнаты, посреди ясного блестящего света, он увидал человека, который страшным голосом закричал ему: «не ешь так много!» [Этот же самый человек, давший столь неожиданно нашему великому ученому диететический совет, в последующих видениях являлся ему в образе самого бога.] Этими явными признаками сильных приливов крови к голове, повторявшихся потом при всех его видениях, началось его помешательство; оно продолжалось целые 27 лет, составляя в полном смысле слова счастье его жизни. Вследствие этого особенного вида умственного расстройства, он невольно принимал результаты пытливых своих исследований и собственного здравого разума за сообщения посторонних, им самим созданных образов; а потому он твердо верил во все чудесное и невероятное.

Это объяснение совершенно справедливо и в приложении ко всем мечтателям, принимавшим свои фантазии за истину. Если бы нам известна была жизнь каждого из них с такими исторически верными подробностями, какие мы знаем о Сведенборге, то мы могли бы найти объяснение и истолкование их фантазий в разных обстоятельствах и условиях их жизни, могли бы проследить, как они постепенно все более и более увлекались своими мечтами и как, наконец, дошли до того, что эти мечты им показались действительностью.

Но Сведенборг представляет еще одну особенность, отличающую его от других подобных ему мечтателей. Все они были совершенно помешанные, расстройство их умственных способностей было полное, они решительно на все смотрели с своей фантастической точки зрения, тогда как Сведенборг рассуждал совершенно здраво, если дело не касалось специальных предметов его помешательства. Описывая свои путешествия по планетам, он сообщал совершенно верно те научные факты, которые известны были астрономии в его время, и говорил в этих случаях так, как сказал бы самый ученый и здравомыслящий астроном того времени; и затем уже передавал бред своей больной фантазии. Эта особенность Сведенборга тоже не редкость, ее часто можно замечать у самых ученых людей. Иной ученый об одном предмете рассуждает верно и судит здраво, но зато о других предметах говорит точно помешанный, высказывает нелепости похуже бредней Сведенборга. Шлейден говорит: «всем известно распространенное явление, что люди в некоторых, даже, может быть, во многих, отношениях весьма умные, о других предметах судят не особенно здраво, даже, быть может, нелепо. [Гуго Гроций и Ньютон долго ломали себе

голову над объяснением зверя в апокалипсисе.] Тихо де-Браге³ смело измерял системы небесных тел, но робко возвращался домой, когда заяц перебежал ему дорогу». Стало быть, ученый Шлейден не может оскорбиться, и мы несколько не унижим его ученых заслуг, если скажем, что и сам он принадлежит к разряду подобных людей и много смахивает на Сведенборга. В области ботаники он умный человек, о ботанических вещах он судит верно и здраво; но как только коснется других предметов, сейчас же пускается в такие фантазии, в которых замечается совершенное отсутствие здравого смысла. Читая его этюды о суеверии или о душе растений, никак не хочешь верить, чтобы их написал Шлейден, автор сочинения «Растение и его жизнь». В этих этюдах он пускается в какую-то странную мистику, повидимому, что-то усиливается сказать, а между тем из его слов решительно ничего не выходит. Мы уверены, что даже переводчик его, профессор Калиновский, сам не понимал этих этюдов. Шлейден как будто вооружается против суеверия, но потом защищает его, старается найти какую-то разницу между суеверием верным и неверным; отвергает «столовых» духов, но горячо стоит за других духов, вызываемых магией, хотя и вооружается в то же время против волшебства; говорит, что наука естествоведения не разрушает суеверия и не может его разрушить, а потом сам же соглашается, что изучение законов природы разогнало целый облак суеверий. Вот на пробу несколько мест из «Этюдов» Шлейдена:

«Я придаю большое значение естествознанию, но говорю с полным убеждением, что естественные науки не избавили и никогда не избавят нас от суеверия. — Мало того, я смело прибавляю, что суеверие неизбежно в каждом хорошем человеке, и только совершенно бездушный, углубляясь в себя, мог бы сказать, что совершенно свободен от суеверия» (стр. 173).

«Вера живет неизгладимо в каждом из нас: она принадлежит к условиям существования человека, чтоб он мог чувствовать не мертвую вещь — ответственность, но духовную жизнь. — Не вера в бессмертие в том мире, с сонмом духов, возвышает человека над окружающею его бесчувственною борьбою мертвых масс и сил, а убеждение, что лучезарный небесный мир несколько не отличен от окружающего нас мира, но кажется различным только вследствие ограниченных понятий человека» (это что-то вроде Сведенборга). «Но бессмертие и свободное общение с духами, все это остается для человека вечно непостижимым. И как душа его чувствует потребность сознавать соприсутствие этого непостижимого, говорить о нем, то человек должен употреблять условные знаки, которые образно объясняют ему непостижимое. Побуждение нашего сердца заставляет нас в каждом явлении природы видеть высшее значение, искать за ней чего-то лучшего, нежели разумную законность природы» (стр. 175).

«Понятие о предопределении сильно и живо поддерживает моральное наше чувство в жизни, составляет твердую, самостоятельную основу нашего благочестия.

Для удержания этого чувства во всей его чистоте мы нуждаемся в подчинении себя закону изящного; всякий символ, следовательно, и в моральном смысле слова имеет эстетическое значение. Поэтому можно назвать нелепым суеверием всякое отвратительное, нелепое выражение наших высоких убеждений. В ворожбе и толковании знамений высказывается одно только убеждение, что мы постоянно находимся под эгидою всемогущей любви, которая

все сочетала и устроила для нашего блага; но противно думать, что мы ищем и полагаем найти предостережение, одобрение и т. п. предсказания в кофейной гуще, в ничем не значащих формах расплавленного свинца или в засаленных картах оборванной нищенки, хотя астрология заслуживает с этой стороны уже меньшего порицания. Когда простосердечный селянин, в молчаливом кружке своей семье, рано утром, сняв с седых волос шапочку, набожно читает: «хлеб наш насущный даждь нам днесь», то каждый рассудительный человек сочувствует такой живой вере. Читая же в жизни Стиллинга историю о том, как доктор, погрязший по уши в долгах от беспорядочного домохозяйства, падая с женою на колени, просит небо, как потом, получив с почты неожиданные деньги, он приписывает это непосредственному действию своей молитвы, — мы отворачиваемся с отвращением от такого суеверия» (стр. 179—180).]

«Мы можем делать различие между неизвинительным и извинительным, между грубым и утонченным суеверием; но мы не можем освободиться от него вовсе, если не хотим отказаться от всей силы моральных идей» (стр. 286). «Мы видим постоянно в истории, что, по мере возрастающих человеческих знаний, мало-помалу распадается и превращается в прах фантастическое громадное здание суеверия» (значит, наука разрушает суеверия). «Но вообще я сомневаюсь, чтоб в настоящее время наука могла иметь влияние на подобные вещи (?). Но не существовало еще привидение, которое бы устояло против полицейской власти, как скоро она преследовала его неподкупно. Я, с своей стороны, отделался бы от докучливого привидения, прося помощи не у заклинателей духов и философов, но у современных Фуше» (то есть министров полидии; стр. 311) ⁴.

Отчего же происходит такая странность у людей ученых и умных вообще, отчего они о некоторых предметах рассуждают умно и здраво, а о других совершенно бестолково и нелепо? На этот вопрос Шлейден отвечает так:

«Ни одна часть нашего тела не имеет такого сложного устройства и такой чувствительности, как нервная система. Сотни тысяч волокон, составляющих нервную систему, может быть, не более одного раза в течение тысячелетия имеют такое совершенное строение и развитие у человека, что все вместе служат одинаково и превосходно для отправления духа. Большею частью большие или меньшие партии их остаются недоразвитыми; вследствие этого дух не может, сообразно высшему своему развитию, проявляться нормально в соответственных частях; может случиться, что это явление будет еще заметнее, чем более развиты другие части к большему ущербу общей гармонии. На этом основывается общезвестное явление, что люди умные о некоторых предметах судят не здраво, даже нелепо».

Этим можно объяснить и странности самого Шлейдена; видно, у него меньшие ботанические партии нервов развиты хорошо, а большие, так сказать, философские, остались недоразвитыми; вследствие чего он и запутался во мраке суеверия и даже считает его необходимым.

<ИЗ № 2 «СОВРЕМЕННОКА»>

Руководство к сравнительной статистике Г. Ф. Кольба. Переведено и дополнено под редакциею А. Корсака. Издание Николая Тиблена. Том I. Спб. 1862 г. ¹

В последние годы стали являться у нас издатели, каких прежде не было: люди, по своим знаниям могущие вполне судить о достоинстве издаваемых ими книг, и притом совершенно добросовест-

ные в выборе книг для издания. Первого из таких издателей нашла литература в г. Тиблене. Нет надобности говорить, какую пользу книжному делу приносит издательская предприимчивость, когда находится в соединении с такими качествами. Например, достаточно просмотреть список изданий г. Тиблена, чтобы убедиться в серьезности и дельности книг, на которых останавливается его выбор. Он напечатал или печатает: «Историю цивилизации» Гизо, «Курсы политической экономии» Молилари и Курсель Сенёлля, «Полное собрание сочинений» Маколея, биографию Маколея г. Вызинского, «Гражданское право» Мейера, «Повести» Марка Вовчка на малорусском языке, «Очерк торговли Московского государства» г. Костомарова, «Историю новой философии» Куно Фишера; он готовит к печати «Историю французской литературы» Юлиана Шмидта, «О представительном правлении» Милля², «Историю цивилизации в Англии» Бокля. За исключением одного Молилари, да еще Куно Фишера, тут нет ни одной книги, о которой не следовало бы сказать, что она принадлежит к числу сочинений, издание которых заслуживает безусловного одобрения. Некоторые из них имеют бесспорное классическое достоинство; другие все-таки — самые лучшие по своей части из сочинений, могущих быть издаваемыми у нас. В свое время мы высказывали недостатки некоторых книг, издаваемых г. Тибленом, например указывали односторонность исторических и политических убеждений Гизо³ и Маколея, — но, как бы ни думал кто о направлении таких писателей, всякий понимает, как нужно и полезно существовать им в русском переводе. Вообще же в тех случаях, где может, г. Тиблен выбирает для издания такие книги, которые заслуживают полного одобрения не только по достоинству своего изложения или по фактическому богатству своего содержания, но и по истинности своего направления.

К этому последнему разряду принадлежит «Статистика» Кольба, смотрящего на вещи с самой верной точки зрения⁴. Г. Корсак, известный своими добросовестными трудами по части политической экономии и статистики⁵, приняв на себя редакцию перевода, значительно увеличил достоинство книги тем, что присоединил к статье Кольба о России свой собственный статистический очерк, гораздо более обширный. В немецком оригинале Кольба статья о России занимает только 27 страниц; при столь значительном ее расширении в русском издании г. Тиблен должен был разделить на два тома книгу, составляющую в немецком издании один том. В первой вышедшей теперь части русского издания находится статистика пяти европейских великих держав. Но мало того, что статья г. Корсака обширна: она очень дельна, так что этот труд г. Корсака надобно назвать самым лучшим и полным сборником общих статистических сведений о России.

Свой добросовестный и обширный труд г. Корсак начинает замечанием, что «статистика России представляет самые шаткие данные. Одни из ее фактов не определены пока даже приблизительно верно, другие недоступны для науки. К числу первых можно отнести даже сведения о пространстве и населении». Неудивительно была бы неточность сведений о пространстве азиатских пустынь, считающихся нашими владениями; но даже пространство Европейской России определяется разными источниками очень неодинаково. В перечислениях населения точно так же находится очень большая разница между сведениями, изданными от министерства финансов и от Центрального статистического комитета, который насчитывает в Русской империи на 1 826 000 человек больше, чем министерство финансов ⁶.

Но каково бы ни было неизвестное нам с точностью пространство нашей империи и число ее населения, мы можем весьма основательно радоваться тому, что со второй половины прошлого века чрезвычайно расширили свои границы на западе. Вот очень любопытная таблица расстояния наших границ от некоторых городов Западной Европы ныне и 90 лет тому назад ⁷:

	1772 г.	ныне
От Стокгольма	32 мили	18 миль
» Кёнигсберга	50 »	20 »
» Берлина	202 »	43 »
» Бреслава	174 »	11 »
» Дрездена	207 »	44 »
» Праги	208 »	45 »
» Вены	228 »	64 »
» Мюнхена	252 »	89 »
» Франкфурта	268 »	105 »
» Парижа	337 »	174 »
» Лондона	330 »	171 »

Неудивительно, что при сличении этих цифр западные державы чувствуют беспокойство и недоверие. Ведь если бы дело продолжало идти таким же путем, то через 20 лет наша граница достигла бы Праги, через 30 — Вены, через 35 — Мюнхена, через 40 — Франкфурта, а еще через 20 или 30 лет даже Парижа и самого Лондона. Та партия рьяных славянофилов, которая вместе с г. В. Ламанским хлопочет об отыскании нам вотчинных прав на Севилью и Кордову ⁸, исконные славянские города, — и вообще о «приискании новых земель» вдобавок к нынешним нашим землям, — эта партия имеет за себя и факты истории последнего столетия точно так же, как находит аргументы для себя в первых временах средних веков, когда, по свидетельству покойного Савельева-Ростиславича ⁹, мы, русские, под именем вандалов и готов завоевали Италию, под именем саксов завоевали Британию.

Но кроме шуток. Политика России до недавнего времени была более всего обращена на расширение границ, и дело это, шедшее

с большим успехом, развлекало силы нашего коренного русского населения. Мы не могли обзавестись у себя ни образованностью, ни даже хотя бы порядочным частным хозяйством, потому что некогда нам было ни о чем своем домашнем подумать, да и не оставалось у нас никаких средств на домашние дела: мы постоянно исполняли в обратном смысле знаменитое предсказание, которым всегда характеризовалась возможность благосостояния: «перекуют мечи в плуги и копья в серпы»; у нас постоянно ковались мечи и копья из железа, которому следовало бы итти на плуги и серпы¹⁰, потому-то нам до сих пор нечем пахать землю.

Это прежнее направление всех наших общественных мыслей и сил к расширению границ напрасно было бы приписывать исключительно или преимущественно прежним правительствам в отдельности от общества. Само общество вызывало и поддерживало такое направление правительственной деятельности. Нечего говорить о старых временах, когда общество было заражено этим завоевательством еще больше нынешнего. Вспомним, как при начале восточной войны из ста так называемых образованных людей девяносто девять ликовали при мысли, что мы скоро овладеем Константинополем. Зачем им нужен был Константинополь? Квартальными надзирателями, что ли, рассчитывали они быть в нем, получить исправнические должности в Румелии, Фессалии, Албании? Сделаться пашами адрианопольскими, филиппопольскими, салоницкими, янинскими? Хоть бы этот расчет был у них, ликовавших господ, — оно было бы понятно, хотя и низко было бы желать нового обременения отечеству для получения выгодных должностей себе. Но нет, они ликовали совершенно бескорыстно, идеально, так сказать, научно: их просто восхищала мысль, что вот на ландкартах весь турецкий полуостров будет обведен тою же краскою, которая идет от Торнео через Поланген, Калиш, Броды и т. д.; что в академическом месяцеслове¹¹ к прежним двум страницам в списке губерний прибавится третья с неслышанными именами каких-нибудь губерний Шумлянской, Шистовской, Кирк-Килиссейской, Ушкубской, Ларисской, Елбассанской и т. д. О том, что надобно будет и по окончании войны содержать на Балканском полуострове лишних двести тысяч войска, о том, что на содержание этого войска нужно будет лишних 50 мил., — о том, что заботы о сохранении нашей власти над Балканским полуостровом еще меньше прежнего оставят нам времени устроить свои дела, — о том, что мы обеднеем от нового завоевания, — об этом наше общество и не думало. Помилуйте, мы будем владеть Константинополем, Босфором, Дарданеллами, Балканами, чуть ли не Парнасом и Олимпом, Адриатическим побережьем, быть может, островом Теаки, древнею Итакою, отечеством Улисса¹², — восторг, восторг! Подумайте только: тогда Вена будет с трех

сторон окружена нашими владениями, наша флотилия будет плавать по Саве и всегда готова войти в Драву и Мораву, — ведь это восхитительно. Я вас спрошу: что тогда будет делать Вена? чуть что-нибудь не по-нашему, — собираются пять корпусов русской армии в Белграде и двигаются они вверх по долине Дуная прямо на Вену; а тут с другой стороны собираются пять корпусов русской армии около Вислицы и Стобницы и двигаются с другой стороны тоже на Вену. Обе армии соединяются между Веною и Пресбургом. Вена отрезана от восточной половины Австрийской империи. Под Люксембургом происходит решительная битва: австрийцы вывели 200 тыс. человек, а мы 400 тысяч; австрийцы обойдены с правого фланга, отеснены от Вены, хотя отступать к Греццу; но Сенрингские дефиле уже заняты нашими войсками и — остатки австрийской армии кладут оружие, — в том роде, помните, как было под Арадом с венграми, — а Вена уже за два дня перед тем, на утро после битвы, выслала ключи победителям и т. д.... Словом, сказать, «жизнь наша течет в эмпиреях, музыка играет, штандарт скачет»¹³, и... «и в ту же минуту по улицам (покоренной Вены) курьеры, курьеры (из Берлина, Гааги, Брюсселя, Парижа, Мадрида, Лиссабона), курьеры... можете представить себе, тридцать тысяч одних курьеров! Каково положение, я спрашиваю? — Иван Александрович¹⁴, — то бишь, Владимир Иванович¹⁵ с товарищами — ступайте управлять департаментом, — то бишь, всею Европою». Бедный г. В. Ламанский, милый бывший наш собеседник, за что мы нападаем на вас, человека невинного и неважного, ученого и почтенного? Вы с не менее почтенным г. И. Аксаковым не больше многих любезных наших соотечественников наклонны к завоевательной хлестаковщине, — то есть они наклонны к ней не меньше вас, — а мы выводим на посмешище только вас двоих, не смягчаясь даже тем, что вы, при всей географической свирепости, добродушнейшие люди в мире, благонамереннейшие сыны отечества... Но ведь и то сказать: если смягчаться над вами за то, что вы говорите вздор только по крайней наивности, а не по злему умыслу, так ведь и ни на кого из сынов нашего отечества нельзя претендовать за то, что Россия была двести лет занята исканием «новых земель». А надобно же на ком-нибудь сорвать злобу, и мы срываем ее на вас, добродушнейший из смертных.

О государственных доходах и расходах помещена в этой книжке «Современника» отдельная статья, в которой мы много пользовались цифрами, представленными в исследовании г. Корсака. А здесь мы приведем из его очерка статью о государственном долге. Сказав, что к 1 января 1860 г. консолидированный государственный долг считался в 555 012 127 р. сер., и что увеличение этой цифры перед долгом, бывшим в 1858 году, равняется 39 024 115 р. сер., г. Корсак продолжает¹⁶:

«Кроме консолидированного долга, существует долг, не внесенный в государственную долговую книгу и соответствующий тому, что во Франции называют *dette flottante* (текущий долг); к 1 января 1859 года он был в следующем виде:

Долги срочные:

Разные серии билетов государств. казначейства 93 000 000
Долг заемному банку 325 000 000

Долг бессрочный:

Кредитные билеты (ассигнации) 644 648 719

Итого 1 062 648 719

А с консолидированным долгом 515 988 012

Составится 1 578 636 731

За вычетом же резерва, обеспечивающего ассигнации, и сумм, назначенных для уплаты долгов, всего 115 028 197

Останется к 1 января 1859 г. всего долга 1 463 608 534

В 1860 г., как мы уже видели, консолидированный долг умножился в 39 024 115 р. Что же касается до текущего долга, то определить его довольно трудно; можно только сказать, насколько умножилась к этому времени сумма кредитных билетов: она возросла на 35 299 134 руб. Все приращение долга этих двух разрядов составляло, следовательно, 74 253 249 руб., которые увеличат последний итог до 1 537 861 783 руб., или, круглым числом, до 1½ миллиардов».

Происхождение государственного долга и состояние его в последнее время. Главное основание государственному долгу положено было *ассигнациями*; военные и другие потребности заставили прибегнуть к ним в царствование Екатерины II; с тех пор они сделались обыкновенным способом покрывать расходы. По смерти Екатерины ассигнаций находилось в обращении около 200 мил. руб., и курс ассигнационного рубля еще не падал значительно. Впоследствии, с умножением расходов, особенно во время войн французской революции, русское правительство все чаще и чаще прибегало к выпуску бумажных денег. Отсюда — постоянный и быстрый упадок их курса, так что, наконец, серебряный рубль стал равняться 4 руб. ассигнациями. Медная монета имела одинаковую ценность с бумагой, служа для ее размена. В 1810 г. русские финансы находились в чрезвычайно расстроенном состоянии. Бюджет представлял дефицит более чем в 105 мил. руб., и ассигнационный рубль утратил $\frac{3}{4}$ своей первоначальной ценности. Новые выпуски ассигнаций казались уже невозможными; правительство решилось прекратить их. Устроена была комиссия погашения, которая постановила продать часть государственных имуществ и с помощью вырученной суммы уменьшить массу ассигнаций. С этих пор правительство было намерено сделать серебряную монету главным срудием мены. Но наступила война 1812 г., и исполнение реформы приостановлено. С 1812 г. до исхода 1814 г. курс ассигнаций все более и более падал, так что в 1815 г. серебряный рубль равнялся 4 р. 18 коп. ассигн.

После всеобщего мира внесенный в государственную долговую книгу долг России не превышал 125 мил. руб. сер. Правительство постановило правилом не делать новых выпусков ассигнаций и принялось затем уменьшать их количество. Для этого оно предпочло сделать заем и на соответствующую ему сумму сжечь ассигнаций. Это был первый заграничный заем (подписка открыта в Амстердаме). Таким образом в 1819 г. 118 мил. ассигнаций было извлечено из обращения; в то же время монетный двор приготовил на 26 мил. звонкой монеты.

В 1820 г. открыт новый заем в 40 мил. руб. в Англии и Голландии, при посредстве Беринга и Гоппе. Ассигнации продолжали извлекаться из обращения, но курс их поднимался медленно. С 418 коп. (в 1815 г.) он постепенно доходил до 403 (1816), 383 (1817), 379 (1818) и 373 к. (в 1819 и 1820 гг.). В 1821 г. ассигнаций находилось в обращении на 639 460 220 руб. Однако, с извлечением старых, на покрытие государственных расходов делались постоянно новые выпуски.

Процентный долг также увеличился, и в 1821 г. его было до 49 100 000 голландск. гульденами, до 25 мил. руб. звонкою монетою и 286 624 121 банковыми билетами. Долг этот разделялся на три категории: 1) долги, предшествовавшие 1817 г.; 2) долги, сделанные для уменьшения массы бумажных денег; 3) долги для расходов по разным отраслям управления.

Комиссия погашения долгов, основанная в 1817 г., действовала энергично: по прошествии нескольких лет процентный долг (в 1822 г.) оказался на 62 мил. менее. В то же время уничтожено ассигнаций на 236 мил. и в обращении их находилось только на 596 мил. Хотя, по отчету министра финансов Гурьева, положение кредитных учреждений было очень удовлетворительно, однако через несколько недель после этого отчета был заключен новый заем в 35 мил. в Лондоне, при посредстве дома Ротшильда.

В 1823 г. в управление министерством финансов вступил граф Канкрин. Курс ассигнаций значительно улучшился; серебряный рубль стоил 3 р. 60 к. ассигн.; тем не менее, масса ассигнаций оставалась на прежней цифре 596 мил. Займы, сделанные до сих пор для извлечения бумажных денег, соединялись с жертвами, не соответствовавшими цели; из обращения извлечено было, правда, на 236 мил. ассигнаций, но взамен этого прибавилась значительная масса долгов, на 5 и 6% и по низким курсам. Кредиторы сверх того выговорили условия, чтобы первоначальные проценты никогда не понижались. Улучшение курса ассигнаций не выкупалось этой жертвой, и, вместо беспроцентного долга, явился другой долг, обременяющий государство процентами. Бумажные деньги и мелкая разменная монета оставались единственными орудиями обращения. Совет государственных кредитных учреждений, по внушению графа Канкринина, решил в 1824 г. приостановить уничтожение ассигнаций. Суммы, которые назначались до сих пор на этот предмет, положено обратить на погашение консолидированного долга. Эта операция погашения быстро подняла русские фонды. Долг, внесенный в государственную долговую книгу, простирался круглым числом до 175 мил. руб. сер. Канкрин употреблял при этом все средства, чтобы ввести экономию и порядок в финансы. Действительно, в течение 1823—1826 гг. не было сделано ни одного займа, а уменьшение расходов дало экономии 160 300 000 тогдашних рублей (49 933 750 р. с.).

Финансы, казалось, находились в цветущем состоянии. Несмотря на содержание больших военных сил, правительство не прибегало к новым налогам; оно заключило только заем с домом Гоппе в Амстердаме в 42 мил. флоринов и еще на 24 мил. к концу 1829 г., между тем как Адрианопольский трактат доставил казначейству обильный источник военной контрибуцией. Сумма процентного государственного долга простиралась до 221½ мил., а ассигнаций в обращении находилось на 186 мил. (всего 407½ мил. р. с.).

С 1830 по 1832 год холера, неурожай и польская революция потребовали больших расходов, новый заем в 20 мил. р. заключен был с домом Гоппе.

Наконец 1 июля 1839 г. правительство объявило, что отныне основной монетой государства становится серебряная, и что курс серебряного рубля принимается постоянный в 350 к. ассигн., что все расчеты производятся на серебро, но платежи делаются безразлично — звонкой монетой и ассигнациями по постоянному курсу, принимаемая рубль золотом 3-мя процентами выше серебряного рубля.

Вслед за этим при коммерческом банке учрежден депозитный банк, который должен был принимать на сохранение от частных лиц суммы серебряною монетою. Серебро, принимаемое на сохранение, служило разменным фондом

билетов. Вместо вкладов банк выдавал вкладчикам билеты, называемые билетами депозитного банка. Они были в 3, 5, 10 и 25 р. с. Впоследствии банку разрешено было выпускать билеты в 50 и 100 р. с. Билеты депозитного банка ходили наравне с серебряною монетою во всей империи и разменивались по предъявлении на звонкую монету.

Цель этой меры была та, чтобы устранить колебание курса ассигнаций. Новые бумаги, как разменные знаки, не подвергались колебаниям курса и ходили наравне с звонкой монетой.

С тех пор правительство занялось составлением достаточного резерва драгоценными металлами для обеспечения бумажных денег. Этому содействовала особенно разработка уральских рудников, которая год от году усиливалась. Так, в 1884 г. в Петропавловскую крепость доставлено было 70 750 000 р. с. резерва.

В сентябре 1845 г. умер граф Канкрин. Финансовое положение России было недурно. На Западе между тем (в 1847 г.) свирепствовали неурожай, монетный и коммерческий кризисы. Вследствие неурожая Франция, Англия и Германия должны были покупать огромные количества хлеба в других странах. На уплату этих покупок звонкая монета утекала с необыкновенной быстротой, так что было время, когда во французском банке находилось только 71 мил. франков монетного резерва, между тем как уплаты достигали 368 мил. Возвышение учета не помогало.

В этих обстоятельствах русское правительство предложило французскому банку продать ему рент государственного долга на 50 мил. франков, с поставкой в Петербург. Банк охотно принял это предложение. Вследствие такой меры, звонкая монета притекла к Петербургу, так что резерв крепости увеличился до 115 мил. р. с. Кроме того, французская торговля была поставлена в необходимость делать свои закупки хлеба преимущественно в России. Французский банк, как кредитор 50 мил. франков, делал до этой суммы переводы на казенные банки России, и большая часть его переводов служила средством расплаты за хлеб, купленный на счет французских негоциантов.

Вскоре после покупки рент у французского банка, 21 марта 1847 г., вышел у нас указ об обращении 30 мил. руб. с. в английские консоли, голландские фонды и проч. Правительство доставило таким образом обширный сбыт произведениям почвы; оно само должно было уплачивать переводы по закупкам этих произведений.

Департамент экономии государственного совета одобрил покупки рент, с условием, чтобы происходящие отсюда выгоды обращаемы были на погашение разных долгов государства. Выгоды эти состояли в том, что если металлический запас несколько уменьшился, то исчезнувшая часть заменилась солидными бумагами, которые давали постоянный доход, усиливали кредит государства и, в случае нужды, могли быть обращены в звонкую монету, между тем оставшийся запас был все еще достаточен для безостановочного размена кредитных билетов. Вследствие этой меры, приток металлических денег в государственное казначейство был так велик, что (1 июня 1847 г.) в кладовые Петропавловской крепости перенесено золотой и серебряной монеты на 12 650 054 р. с.

Таким образом, в течение 30 лет (1817—1847) финансы России постоянно улучшались; с 1848 года положение их начало изменяться.

Февральская революция заставила увеличить военные силы; это стоило 15 мил. р. с., которыми расходы 1848 г. превышали расходы предыдущего года. Издержки 1849 г. были на 30 мил. выше издержек 1848 г. Причина заключалась в венгерской войне, в занятии Дунайских княжеств, в сосредоточении войск в Польше. К этому присоединился скотский падеж, сделавший большие опустошения на юге России.

На покрытие расходов венгерской кампании надо было выпустить несколько серий билетов казначейства, и их выпущено на сумму более 13 мил. р. с.

С другой стороны, на окончание железной дороги от Москвы до Петербурга был заключен $4\frac{1}{2}$ процентный заем в 5 500 000 ф. стер. через по-

средство петербургского дома Штиглица и лондонского Беринга, с 2% погашения.

В начале 1850 г. в обращении находилось кредитных билетов на 300 мил. руб.; в кладовых крепости было монетою и слитками 99 763 361 р. с. Правительство разрешило вывоз звонкой монеты, запрещенный в 1848 г. В 1851 г. расходы опять превышали доходы; дефицит увеличивался. Восточный вопрос еще более затруднил финансовое положение. Уже в 1853 г. стали делаться приготовления к войне, а вместе с этим последовали новые выпуски кредитных билетов. В 1853 г. в обращении их находилось более 368 мил. р., билетов казначейства на 60 мил. С объявлением войны с Францией и Англией масса бумажных денег дошла до 450 мил. руб. сер. При одном известии об объявлении войны курс на Париж упал в Петербурге до 308, то есть рубль, стоящий при нормальном курсе 4 франка, стоил только 3 фр. и 8 сант. Правительство сочло нужным запретить вывоз золота. Военные расходы были громадны. Надо было прибегнуть к новым займам, и указом в ноябре 1855 г. разрешен заем в 50 мил. руб., который заключен был за границей при посредстве Штиглица и реализован на биржах Берлина, Гамбурга и Амстердама. Расходы увеличивались, долги и масса ассигнаций росли: кредитных билетов к 1 января 1858 г. находилось в обращении на 735 297 006 р., а с 1858 г. размен их на звонкую монету прекращен.

Но в то же время (указом 18 апреля 1858 г.) 60 мил. руб., различными фондами, принадлежащими государственному казначейству, назначены на погашение равной суммы кредитных билетов, которые и были преданы сожжению. Кроме того, в течение 1858 г. из обращения извлечено их разменом на звонкую монету 41 312 790 р.; вновь выпущено на 11 671 503 р., и к 1 января 1859 года было в обращении на 644 648 719 р. сер. кредитных билетов.

В кассе было резерва: 1 января 1858 г. — 119 140 921 р. монетой и слитками и 21 319 850 р. фондами; в течение 1858 г. поступило 24 009 453 р. монетой, но израсходовано 43 811 631 руб. монетой и слитками и 10 846 110 фондами; так что к 1 января 1859 г. оставалось в кассе 99 338 743 р. монетой и слитками и 11 473 740 р. фондами, — всего 110,8 мил. Колебание валюты было чрезвычайно сильное: 16 января 1859 г. фунт стерлингов стоил в Петербурге (по курсу 36 ¹⁵/₁₆ пенса за рубль) 6 р. 49 коп., а 1 мая (по курсу 31 ¹/₄ пенса) — 7 руб. 68 к.; другими словами: кто 16 января получил из Лондона 10 000 фунт. стер., стоивших тогда 64 974 руб., тот 1 мая должен был уплатить за них 76 800 р., то есть терял 11 826 руб. В одной только Австрии можно найти пример такого колебания валюты. В 1859 г. ценность наших ассигнаций составляла не более 81% серебряного рубля*.

Чтобы помочь затруднительному финансовому положению, в марте 1859 г. правительство заключило с английским домом Томсон, Бонар и К^о договор о займе в 12 мил. ф. стер., по которому предполагалось выпустить 3-процентные облигации по курсу 66 ¹/₂. Но так как итальянская война (единственное влияние которой в этом случае оспаривается, впрочем, некоторыми) уронила курс бумаг ниже определенной цифры, то договор был уничтожен, а уплаченные уже 15% займа возвращены. По заключении Виллафранкского мира¹⁷, заем удался и помещен по 68, считая проценты с 1 мая 1859 г., что понизило его до 66 ¹/₂. Известное Французское общество Société générale du crédit industriel et commercial** взялось поместить 40 мил. фр. во Францию, в чем и успело. Этим займом русский долг увеличился в течение 1859 г. на 7 мил. ф. стер. а по внесении всего займа он должен умножиться на 75 мил. рублей¹⁸.

В то же время текущий долг государственным кредитным установлениям

* «В Берлине 4/16 мая 1859 г. 100 руб. стоили только 87 талеров, из коих каждый заключал серебра около 93 к., так что 100 р. ассигн. = 87 талеров = 87 × 93 = 80,91 руб. сер. Такой курс бумажные деньги имели в 1781 и 1803 гг.».

** «Генеральное общество промышленного и коммерческого кредита». — Ред.

начал превращаться в срочный консолидированный. Приступая к преобразованию этих учреждений, правительство сначала уменьшило платимые ими на вклады проценты с 4 на 3%, на том основании, что, составляя непроезводительный капитал, процентные вклады отягощают собою кредитные учреждения. Между тем понижение процентов объявлено было тотчас после основания Главного общества железных дорог, акциям которого правительство гарантировало 5%. Вероятно, это имелось в виду при вытеснении капиталов из банков. Вследствие такой меры, из кредитных учреждений деньги потекли на заграничные биржи; а так как при предстоявшем займе 12 мил. ф. стер. можно было ожидать еще большего отлива, то их старались удержать 4% непрерывно-доходными билетами*, которые и были выпущены в апреле 1859 г.; на них же обменяны капиталы, внесенные на вечное время в разные кредитные учреждения. Но эти бумаги не были так выгодны, как прежние, напр. 4% облигации и т. п., вследствие того они и не имели большого успеха. Вслед за тем 10 сентября 1859 г. учреждены государственные 5% банковые билеты, также с целью консолидировать банковые вклады; они предложены в обмен на прежние билеты государственных банков и на 4% непрерывно-доходные — и погашаются с 1861 г. в течение 37 лет по тиражу. Вместе с тем вкладчикам предложено на выбор: или оставить свои вклады в кредитных учреждениях, или получить их обратно; но с 1 января 1860 г. им выдается вместо 3% только 2%, а начисление сложных процентов прекращается; то же применено и к будущим вкладам, которые поступят к 1 января 1860 г. Капиталы, внесенные частными лицами на вечное время, дозволено обращать в 4% непрерывно-доходные билеты; в противном случае они остаются на 2%. В течение 1859 г. в государственную долговую книгу было внесено таким образом из текущего долга 22 863 658 р. 4-процентными непрерывно-доходными билетами. Консолидированный долг увеличился с 515,6 мил. до 555 мил., а масса кредитных билетов с 644,6 мил. до 679 877 853 р. (разменный фонд уменьшился с 110 812 483 до 96 241 618 р.)**.

В 1860 г. при учреждении государственного банка, вместо прежних кредитных учреждений определено передать ему все вклады, принятые этими учреждениями, все счета по 4% непрерывно-доходным билетам, суммы вкладов, обращенных на 5% государственные банковые билеты, счета экспедиции государственных кредитных билетов и суммы, выданные из кредитных учреждений государственному казначейству. Это центральное учреждение сделалось, таким образом, главным органом по операциям консолидирования

* Отлив действительно был огромный:

Количество вложенных вкладов	Взятых обратно
1855 г. 223 695 926 р.	191 475 357 р.
1856 » 286 685 983 »	239 182 889 »
<u>Итого 510 381 909 р.</u>	<u>430 658 246 р.</u>
1857 г. 288 650 735 р.	299 950 425 р.
1858 » 302 807 044 »	355 615 293 »
<u>Итого 591 457 779 р.</u>	<u>655 565 718 р.</u>

В 1855—1856 гг. вложено более, чем взято, на 79 723 663 р.
 В 1857—1858 гг. взято более, чем вложено, на 64 107 939 р.

** Ассигнаций находилось в обращении:

С 1828 по 1839 г.	170 221 828
К 1 января 1850 г.	301 578 170
» » » 1853 »	333 443 008
» » » 1854 »	356 337 021
» » » 1855 »	509 181 397
» » » 1856 »	686 276 844
» » » 1857 »	735 297 006

текущего долга. Из его отчета за 1860 г. мы можем определить отчасти и величину самого долга к началу 1861 г. Из его отчета видно:

1) Что к 1 января 1861 г. кредитных билетов находилось в обращении на 712 976 569 р., а разменный фонд 92 884 431 р.; следовательно, беспроцентного долга по кредитным билетам оставалось 620 092 137 р.

2) Что сумма 5% билетов, причитавшаяся взамен процентных вкладов, составляла 276 578 500 р.

3) Что сумма 4% непрерывно-доходных билетов, отчасти уже занесенная в государственную долговую книгу, отчасти еще не занесенная, простиралась до 168 922 827 р.

4) Что долги государственного казначейства по займам из кредитных установлений, за вычетом уплаченных вкладными билетами, принадлежащими казенным местам (более 14 мил. руб.) и обращенных на 4% непрерывно-доходные билеты, составляли 103 898 428 р.

Кроме того, в течение 1860 г. сделано было несколько новых займов, отчасти уже употребленных на расходы. Указ 14 июня уполномочил министра финансов не только объявить подписку на остальную сумму из займа 12 мил. ф. стер., заключенного в 1859 г., но и увеличить этот остаток с 5 до 8 мил., превратив первоначальные 3½% облигации в 4% ренты. Этот заем действительно состоялся в Лондоне в июле, и подписано было 5 мил. ф. стер. (Подписчики, братья Беринг в Лондоне, Гоппе и К^о в Амстердаме, получили разрешение остальные 3 мил. выпустить до конца года. Неизвестно, воспользовались ли они этим дозволением, или срок был продолжен.) Возьмем 5 мил. ф. стер. 31 250 000 р.

Через несколько дней после предыдущего, другой указ (17 июня) разрешил выпуск пяти новых серий билетов казначейства (LVI—LX), в 3 мил. руб. каждая, — всего 15 мил., с процентами по 4,32 на 100. Каждый билет в 50 р. приносит 2 р. 16 к. в год процентов. До исхода 1860 г. было два выпуска, которые дали * 10 791 700 р.

Прибавим сюда прежние выпуски билетов казначейства, которые к 1 января 1859 г. простирались до 93 000 000 р.
И консолидированный долг, к 1860 г. составлявший 555 012 127 »

Итого 1 859 545 709 р.

К 1860 г. состояло в капитале выкупа 60 262 009 р.; предполагая, что вся эта сумма уйдет по назначению... 60 262 009 мил.

Получим общую сумму госуд. долга к 1861 г. 1 799 283 700 р.

Наконец в исходе 1860 г. (16 декабря) государственному банку разрешено выпустить на 100 мил. р. 4% металлических билетов, в 300 р. каждый, погашая их в течение 41 года. Как проценты, так и погашение платятся звонкой монетой; на погашение назначен 1%. Два выпуска этих билетов уже состоялись (в 1861 г.), каждый в 12 мил. р.

В вышеприведенном итоге . . . 1 799 283 700 р. заключается:
Долгов процентных 1 179 191 563 »
» беспроцентных 620 092 137 »

В 1859 г. по процентному долгу в 580 686 622 р. на погашение употреблено 30 113 295 р. и на уплату процентов положено 28 069 082 р.; всего

* Подписка на первый выпуск в 4 мил. р. (30 сент.) простиралась до 36 674 700 р., так что надо было уменьшить до 8½% суммы, подписанные лицами, требовавшими более 20 билетов (1 000 р.). Вторая подписка на 5 мил. руб. окончена 15 декабря и дошла до огромной цифры 306 760 600 р.; для удовлетворения, по возможности, подписчиков государственный банк, с разрешения министра финансов, увеличил выпускную сумму на 1 791 700 р. Подписавшиеся на 16 билетов и менее получали полную сумму; все же те, которые подписались на большее количество билетов, получили 17.

58 182 377 р., не считая текущих долгов. На новые долги 1860 г. одних процентов можно считать 26 750 000 р., да на прежние билеты казначейства около 4 мил.; итого процентов 54,8 мил.; из них около 14 мил. по 5% банковым билетам обеспечены платежами дебиторов бывших кредитных учреждений.

Считая только консолидированные долги собственно России с ассигнациями, находим, что эти две категории долгов возрастали следующим образом:

	1847	1853	1856	1860
Рубли ¹⁹	571 251 789	778 917 692	1 142 455 179	1 234 889 980.

За этим следует у г. Корсака статья о финансах и государственных долгах Царства польского ²⁰⁾, но до них нам нет дела. Говоря затем о военных силах нашего отечества, г. Корсак между прочим замечает:

«Так называемые инспекторские смотры лежат на обязанности начальников дивизий и корпусных командиров, инспектирующих полки в установленное время; а между тем эти лица суть прямые начальники инспектируемых ими войск, следовательно, совмещают в себе и распорядительную власть, и контроль над этими войсками.

В 1858 г. по сметам на содержании провиантного ведомства находилось:

Людей	1 099 305
Лошадей	159 950

На них к «непременному» отпуску назначено было 39 474 141 р. Средним числом причиталось на одного человека 24 р. 56 к., а на одну лошадь — 64 р. 51 к. На довольствии комиссариата в 1858 г. было 990 817 чел., в том числе солдат 959 806, а расходов ассигновано 28 217 783 р., или 28 р. 47 к. на человека. Вообще, продовольствие войска на 1858 г. требовало: заготовки муки 2 088 843, круп 167 107 1/2, овса 402 702 четвертей, всего на 10 353 225 р.

Сила войск. Войска разделяются на регулярные и иррегулярные; первые — на действующие и резервные. К 1858 г. находилось по спискам в регулярных войсках:

	Генералов, штаб- и об.- офицеров	Нижних чинов
Действующих	29 289	841 521
Резервных	2 655	85 570
Итого	31 944	927 091

За изменениями, последовавшими в составе их в 1858 г., числительная сила *регулярных* войск к 1859 г. была по спискам:

	Генера- лов	Штаб- и об.-оф.	Нижних чинов	Ору- дий
Действующих	334	26 997	783 352	744
Резервных	23	3 054	66 873	88
Итого	357	30 051	850 225	832
Иррегулярных	30	4 665	421 435	248
Всего	387	34 716	1 271 660	1 080

Немедленно по окончании Крымской войны в войсках сделаны были многие сокращения: из рядов регулярных, иррегулярных войск и государственного ополчения уволено до миллиона человек; но и с этим сокращением армия представляла еще громадную цифру, превышающую миллион. Поэтому сделаны были новые ограничения, и регулярная армия, до войны представлявшая круглую цифру 1 140 000, уменьшилась к 1859 г. на 290 000 и состояла только из 850 000 человек. Между прочим, в 1858 г. уволено из регулярных войск в бессрочный отпуск около 19 500 человек и во временный — 20 000. Вообще, к 1 января 1859 г. находилось в губерниях в бессрочном и временном отпуску нижних чинов 503 335 человек; в этом числе было отпускных сверхкомплектных, предназначенных на пополнение обыкновенной убыли в действующих и резервных войсках, в течение льготного времени от рекрутских наборов — 259 101, и ожидалось к прибытию в губернии еще 4 989, так что весь фонд для пополнения обыкновенной убыли простирался до 264 090 человек. Остальные 239 245 человек назначены для укомплектования действующих и для формирования резервных войск на случай *военного времени*. Кроме временных отпусков, сокращению военного сословия содействовали следующие важные меры: указом 25 декабря 1856 г. велено исключить из военного ведомства и обратить в свободные податные сословия всех солдатских детей (военных кантонистов), и возвращено таким образом до 378 000 малолетних в их семейства. Но с целью пристроить солдатских детей, оставшихся без приюта, заведения военных кантонистов и учебных стрелковых полков преобразованы в училища военного ведомства, число которых предполагается сократить с развитием народных школ и с распространением в войсках грамотности. Во всех этих кантонистских заведениях к 1 января 1858 г. воспитанников было 19 617 человек, а к 1 января 1859 г. оставалось уже только 12 451 человек.

В то же время последовало упразднение военных поселений, не имеющих никакого значения в составе военных сил, а между тем парализовавших производительность и промышленность значительной части южного и юго-западного края и губерний: Новгородской, Витебской и Могилевской²¹.

Далее начата замена казенной прислуги (нестроевых команд, комплектуемых неспособными нижними чинами) вольнонаемными людьми. Эта мера избавит от обязательной службы до 62 000 человек. Сокращено число караульных нарядов, вследствие чего число постов уменьшилось до 2 000, а ежедневный расход людей сократился на 6 000. Кроме того, отменен наряд часовых в разных заведениях, присутственных местах и заставах, что также сократило число постов на 1 500. Следствием сокращения армии предвидится уменьшение на 25% числа призываемых на службу рекрут; оно уменьшило уже на $\frac{1}{5}$ квартирную и подводную повинность. Но взамен того сформированы на совершенно новых основаниях резервные части армии, из которых могут пополняться действующие войска. Увеличено число стрелковых частей в армии учреждением стрелковых рот в каждом батальоне и присоединением к составу каждой пехотной дивизии по одному стрелковому батальону. Вводится усовершенствованное огнестрельное оружие (к 1 января 1860 г. предполагалось иметь в войсках 80 554 шестилинейных винтовок; вся пехота будет окончательно вооружена ими к 1864 г.). Для обучения стрельбе учреждены три стрелковые школы с учебными стрелковыми ротами; для кавалерии — кавалерийское училище в Елисаветграде.

По хозяйственной части готовятся также некоторые преобразования. Между прочим, составлены проекты новых таблиц или расписаний разных потребностей для войска. Не касаясь устарелых форм провиантской администрации, замедляющей ход дел лишними инстанциями (вообще по военному министерству в течение 1858 г. было бумаг: входящих 440 122 и исходящих 305 922, всего 746 044), сократили покуда провиантский штат на 286 человек чиновников и 870 нижних чинов. Содержание солдат улучшено прибавкою так называемых приварочных денег (стоимость содержания каждого солдата обошлась в 1858 г. в 72 р. 40 к., а в 1859 г. — 74 р. 39 к.);

для офицеров учреждена эмеритальная * касса и усилены оклады. Утвержденное уже изменение в гражданском и полицейском законодательстве тех постановлений, в силу которых армия наша считалась как бы местом ссылки, и готовящийся новый уголовный устав, в котором значительно смягчены наказания (высшая мера телесного наказания за обыкновенные преступления — 1500 ударов вместо 6 000!) должны оказать полезное влияние на нравственное состояние войск. В заключение всего с 1857 г. обращено внимание на обучение солдат грамоте».

Этих реформ нельзя не одобрить и есть основания полагать, что готовятся новые преобразования в том же духе, от которых улучшится положение солдат, армия приобретет большую действительную боевую силу, число бесполезных в боевом отношении частей ее уменьшится, и поэтому рекрутская повинность облегчится, а с тем вместе будет равномернее распределено ее отправление. Если мы не ошибаемся, нынешний военный министр делает все зависящее от него для осуществления широких и действительно полезных реформ по своей части. Вот извлечение из истории русского войска, сообщаемой г. Корсаком:

«Исторические заметки. Русское войско при Петре I, в 1712 г., состояло из 108 000 чел., в год его смерти (1725) уже считалось 196 000 чел. В Семилетнюю войну, когда России в первый раз пришлось сражаться в Средней Европе у нее было регулярных войск 162 750 чел., а именно: 30 полков кавалерии (6 кирасирских, 6 гренадерских, 18 драгунских) — 31 950 чел., и 50 полков пехоты (4 гренадерских и 46 мушкетерских) — 130 800. К этому можно бы причислить несколько милиционных полков. Императрица Екатерина II значительно увеличила армию. В 1785 г. считалось уже до 360 000 чел. По подробному расчету 1794 г. значилось:

53 полка и 19 бригад кавалерии	81 200
72 » » 32 батальона пехоты	203 900
5 » » 2 роты артиллерии	27 700

130 полков и проч. регулярных войск . . 312 800

Сверх того, иррегулярные войска:

Казачи, башкирцы и пр.	69 200
Гарнизон	60 000

Всего 442 000 ²²

Один список, относящийся к концу 1763 г., представляет следующие данные:

1) <i>Гвардия:</i> Кавалерии	3 300	} 12 600
Пехоты	9 300	
<i>Полевые полки:</i> Кавалерия	49 700	} 382 600
Пехота	219 100	
Артиллерия	42 900	
Гарнизон	70 900	

Всего 395 200

* Закрывага, ведомственная. — *Ред.*

Со включением инвалидов и иррегулярных войск вся масса военных сил (на бумаге) простиралась до 506 700 чел.

В оба похода 1805 и 1807 гг. русские выставили в Германию не более 80—90 000 человек.

Под Аустерлицем действительные силы союзников не составляли и 80 000; из них 15 700 австрийцев. (Французы противопоставили им равное число.)

Что касается до великой войны 1812 г., то по поводу ее составлялся о числе войск ведомости, из которых приводим следующее краткое извлечение:

Регулярных войск (в том числе 98 000 гарнизонных солдат и инвалидов)	539 400
Иррегулярных войск	100 000
Народного ополчения	851 100
Всего	1 490 500

В начале войны русская армия численностью далеко уступала французской; в состав ее входили ²³:

Войска первой линии	
Первая западная армия	104 150 чел.
Вторая западная армия	35 000 »
Резервная армия	36 000 »
Всего в первой линии по большей мере	175 150 чел. ²⁴

регулярного войска и 938 орудий, не считая казаков, в которых в начале кампании мало представлялось надобности. Против этого сравнительно слабого войска Наполеон выступил более чем с 400 000 человек.

Во второй линии у Сакена было 42 500 чел.

Из третьей линии действующая армия всегда могла получить в подкрепление 46 000 пехоты, 9 300 конницы и рекрут. Сверх того в Финляндии стояло 30 000 под начальством Штейнгеля и 53 000 на Дунае ²⁵.

Трудности похода привели русское войско почти в такое же расстройство, как и французское, и отозвались не много меньшим ущербом. В некоторых частях истреблены были целые роты, от некоторых батальонов осталось по 2—3 человека (по удостоверению Бутурлина, адъютанта императора Александра); ²⁶ из 120 000 главной армии, под начальством Кутузова, осталось 35 000; у Витгенштейна из 50 000 — всего 15 000; от 10 000 посланных из внутренних губерний на подкрепление армии, только 1 700 достигли театра войны в Вильно (по уверению английского комиссара, сэра Роберта Вильсона). В записках Толя находим следующий расчет:

Обе западные армии (за вычетом 21-тысячного корпуса Витгенштейна):

первая — 83 000, вторая — 35 000, составляли	118 000
Подкреплений они получили	91 800
Всего	209 800

В половине декабря в Вильно еще было в строю 40 290
Следовательно, с конца июня до половины декабря убыло . . . 169 510

В лазаретах лежало 48 335 чел. Если бы большая часть этих больных выздоровела, — чего, впрочем, как достоверно известно, не было, — то и тогда число убитых людей превышало бы первоначальное число войска. Русская армия, преследовавшая Наполеона в январе 1813 г., составляла только 15 000 чел. (Толь).

В походы 1813 и 1814 гг. сила русских войск никогда не превышала 150 000²⁷.

В оба турецкие похода 1828 и 1829 гг. русские явились на Пруте в числе 80 000, к которым в следующем году выслано было еще около 40 000. Когда главный корпус прибыл к Адрианополю, в нем считалось едва 15 000 способных носить оружие. Из 115 000 русских, вступивших в 1828 и 1829 годах в Европейскую Турцию, едва 10 — 15 000 перешли обратно Прут²⁸. Жюмини говорит, что русская армия в эти два похода потеряла 115 000 чел., из коих 100 000 погибло от болезней. Уже первый поход уничтожил 40 000 солдат. С мая 1828 до февраля 1829 г. 201 198 чел. лежало в госпиталях; с особенною силою свирепствовала чума. Борьба с Польшей в 1831 г. снова требовала значительных усилий. С тех пор признана была необходимость основательных преобразований; из них многие уже сделаны, другие остались еще неисполненными. В венгерском походе 1849 г. русская вспомогательная армия явилась к австрийцам в числе около 120 000 чел. Крымская война разом открыла существование многих злоупотреблений, особенно в продовольствии. Если уже до войны по официальным сведениям у нас считалось 1 200 000 войска (в том числе 200 000 кантонистов), то тем замечательнее незначительность сил, двинувшихся в Дунайские княжества. Для продолжения борьбы требовались необыкновенные усилия. Правда, что России надо было заботиться и о защите многих, весьма отдаленных пунктов; но на главном театре войны никогда не было в действии зараз и 200 000 чел. В течение 20 месяцев объявлены были следующие наборы:

Указом 10 февраля 1854 г.,	9 чел.	с 1 000	в западных губерниях
» 9 мая » »	9 »	» »	» восточных »
» 7 сентября » »	10 »	» »	» западных »
» 13 декабря » »	10 »	» »	» восточных »
» 10 февраля 1855 г.,	13 »	» »	» 18 губерн.—Ополчение
» 31 мая » »	} 13 »	»	} прочих губерниях
» 12 августа » »			
» 7 октября » »			
» 6 мая » »	12 »	» »	» западных губерниях
» 15 октября » »	10 »	» »	» во всех губ., искл. 7

Ополчение дало 372 000; оно было разделено на 337 дружин; старые солдаты, поступившие в резервные батальоны, и новые наборы составили 367 000, — всего, следовательно, 739 000 (по отчету министра внутренних дел) — число огромное, но все-таки вдвое меньше того, какое можно набрать в прочей Европе. В официальных списках число войск в Крыму в начале 1855 г. показывалось в 250 000 с 100 000 лошадей. Общее число солдат во всем государстве, состоящих на попечении комиссариата, простиралось в 1855 г. до 845 000 с 187 360 лошадьми, а в 1856 г. — до 796 975 и 183 570. Таким образом, в последний год было уже трудно держать военные силы на прежней высоте. Потеря увеличивалась. По одному вычислению, русская армия до конца 1854 г. лишилась 111 132 человека, из коих 29 204 убиты, 55 304 ранеными, 6 460 контуженными, 16 156 умершими от болезней (последняя цифра очень низка; вероятно, здесь считаются только солдаты, умершие в ближайших к месту действия лазаретах); тут не приняты в расчет потери кавказской армии и иррегулярных войск, казаков и пр. В одном Симферополе, главном госпитале Севастополя, с апреля 1855 до июля 1856 г. умерло более 40 000 человек; кроме того, отсюда пошло до 300 транспортов почти с 100 000 больных в другие соседние места. Почти то же можно сказать о Бахчисарае и Перекопе, бывших также сборными местами для больных. Парижский «Pays» * вычислял потерю русской армии в 277 000 чело-

* «Страна». — Ред.

век; сверх того, черноморский флот из 38 400 человек потерял 23 000. — Приведем еще один замечательный факт: по сведению министерства внутренних дел, после удаления из Крыма неприятеля, убрано и зарыто было в землю, для очищения воздуха, около 200 000 остовов скота, служившего для перевозки тяжестей».

Из отдела об «общественных, промышленных и торговых отношениях» мы извлечем следующие отрывки. Вот, по справедливым словам г. Корсака ²⁹. —

«Цифры, которые могут служить указателем того, в каком положении находятся государственные крестьяне и в чем они особенно нуждаются. В 1858 г. средним числом у государственных крестьян приходилось:

1	питейное заведение на	1 409 ч. об. п.
1	административное или судебное место	2 348 » » »
1	школа	7 994 » » »
1	вспомогательная касса	15 258 » » »
1	церковь	17 722 » » »
1	сберегательная касса	35 191 » » »
1	богадельня	54 037 » » »
1	больница	1 010 000 » » »
1	учащийся на	130 » » »
1	должностное лицо	218 » » »
1	духовное лицо или церковно-служитель	378 » » »
1	повивальная бабка	1 830 » » »
1	наставник или наставница	6 987 » » »
1	фельдшер	30 606 » » »
1	врач	101 508 » » »

Далее г. Корсак говорит о промышленном и торговом законодательстве ³⁰:

«Промышленная и торговая деятельность связана множеством стеснительных учреждений, которые, в последнее время, обратили на себя внимание правительства и составляют предмет рассуждений специальных комиссий. Из постановлений, не прямо касающихся промышленности и торговли, особенно тяжело отзываются на той и другой круговая порука при отправлении рекрутской повинности и уплате подушной и паспортная система. Круговая порука, которая нисколько не предотвращает недоборов в податях и не может заменить хорошей системы налогов, служит только к ограничению свободы передвижения и свободы приложения труда к производству. Паспортная система соединена с огромной тратой времени и денег и дает только бесчисленные поводы к бесполезной переписке, к вмешательству чиновников в дела промышленника, к штрафам, арестам и т. п. Об откупной системе и влиянии ее на промышленность было уже сказано. Здесь мы сделаем некоторые замечания о цехах, гильдиях, о таможенном тарифе, как о предметах, прямо относящихся к промышленному и торговому законодательству.

Ремесленные постановления в России (за исключением Остзейских и отчасти западных губерний) не имели исторической основы, а были почти целиком заимствованы у западных государств еще в прошлом столетии. Это учреждение имело, может быть (что, впрочем, весьма сомнительно), в свое время полезное влияние на наши ремесленные сословия; но с тех пор как фабрично-ремесленное производство сделало у нас некоторые успехи, цеховые учреждения обратились прямо в стеснения для промыслов. На основании действующих постановлений, различие между фабриками и ремеслами сопровождается важными различиями в значении и правах фабричных и ремесленных заведений. Содержатели фабрик и заводов должны быть записаны в гильдии, но лица, вновь учреждающие фабрики и заводы, должны за-

писываться в известный цех и обязаны подчиняться цеховым постановлениям. К этим двум главным родам заведений следует причислить так называемые *домашние заведения*, содержатели которых (мещане и крестьяне) освобождаются и от гильдейских платежей и от записки в цехи. При таком различии прав и обязанностей этих заведений, законодательство не определяет точно их взаимных границ; единственным разграничением ремесел от фабрик он признает ручную работу. Ремесленные управы, для усиления ремесленных сборов, простирали свои требования о записке в цехи не только на домашние заведения или малые фабрики, содержатели которых вовсе освобождены от взятия гильдейских свидетельств, но и на фабричные и заводские заведения, снабженные льготными свидетельствами, и даже на признанные фабрики, под тем предлогом, что на них работа производится ручным способом и что есть цехи одинакового с ними названия. Они произвольно размножали число цехов и без разбора применяли к ним несколько не сходные производства *, не только ремесленные, но и фабричные, стараясь включить в круг своего ведения всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкий фабрикант, попавший однажды в цех, с трудом уже может выбраться из него и поступить на фабричное положение, расширив производство, тем более, что получение свидетельства на звание фабриканта или заводчика сопряжено с сложными формальностями и потерю времени. Притом цеховые формальности, отвлекая рабочих от дела, затрудняя хозяев, служат поводом к явным неудовольствиям и спорам. Комиссия, назначенная в 1860 г. для исследования этого вопроса, убедилась в необходимости коренного изменения промышленных постановлений, признавая вместе с тем необходимым и уничтожение цехов.

Гильдии имеют не только материальное, но и нравственно вредное влияние на торговлю и на торговцев ³¹. По крайней неравномерности налога, они стесняют чрезмерно мелких торговцев и чрезмерно облегчают больших ко вреду малых. Этот вопрос также занимает правительство. Какими стеснениями для торговли должен отзываться тариф, можно видеть уже из того, что из 311 статей его, обложенных привозною пошлиной, 99 дали в 1859 г. 19 425 000 р. дохода, или 87% (всего получено по европейской торговле 22 358 000), а 212 статей — 2 933 000, то есть 13%. Есть десятки статей, которые доставляют дохода лишь по несколько копеек в год. Провоз товаров через таможи обставлен не менее стеснительными формальностями. Таможенное законодательство также преобразовывается.

Наконец нельзя не обратить внимания на многие сословные и личные привилегии, на слабость и шаткость кредитного законодательства, которое делает чрезвычайно затруднительным взыскание по разным обязательствам и этим сильно подрывает кредит, — и на бесчисленные поводы к вмешательству полиции в промышленные и торговые дела, которое уничтожает возможность правильных расчетов в предприятиях, а многих лиц совершенно удерживает от промышленной деятельности. Эти поводы порождаются, впрочем, не одним только торговым и промышленным законодательством, но об-

* В 1850 г. в числе 35 цехов, состоявших при Санкт-петербургской ремесленной управе между прочим поименован цех ситцепечатный, с причислением к нему производств: шпалерного, клееночного и резиновых вещей; в цех малярный занесены табачное и сургучное производства; в цех колбасный — помадное, горчичное и ваксильное производства; в цех шорный — ватное и прядильное. В 1857 г. в числе 24 цехов, состоявших при Московской ремесленной управе, были: цех ленточный, к которому отнесены заведения красильные и ткацкие, кумачный — с крашением и чищением сукон и материй и ткачеством; в цех медный причислено делание оптических инструментов, производство жестяное и оловянное; к цеху каретному причислены: выделка обручей, бочек, четвериков; к цеху кузнечному — делание физических и математических инструментов. *Примеч. г. Корсака.*

щим характером администрации, которая дает слишком мало простора для частной деятельности. В этом случае упрек, делаемый Франции за ее чрезмерную централизацию, чуть ли не в большей степени прилагается к нам, особенно, если принять в расчет различие в степени развития и добросовестности исполнителей».

Из этих выписок читатель может видеть, каких трудов и хлопот должно было стоить собиране и обнародование статистических данных, сообщаемых русской публике г. Корсаком, и как важна «Статистика» Кольба в русском переводе.

⟨ИЗ № 3 «СОВРЕМЕННОГО»⟩

Ясная Поляна. Школа. Журнал педагогический, издаваемый г. Л. Н. Толстым. Москва. 1862 г.

Ясная Поляна. Книжки для детей. Книжка 1 и 2-я.

Этот педагогический журнал и эти книжки для народных школ издаются при школе, устроенной графом Л. Н. Толстым в селе или деревне Крапивенского уезда, Тульской губернии, Ясной Поляне. В первой же книжке журнала помещено описание школы. — Часов в 8 поутру звонят в школе, сзывая учеников из деревни. Они идут — и посмотрите на них, вы увидите замечательную черту:

«С собой никто ничего не несет — ни книг, ни тетрадок. Уроков на дом не задают. Мало того, что в руках ничего не несут, им нечего и в голове нести. Никакого урока, ничего сделанного вчера, он не обязан помнить нынче. Его не мучит мысль о предстоящем уроке. Он несет только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера. Он не думает о классе до тех пор, пока класс не начался. Никогда никому не делают выговоров за опаздыванье и никогда не опаздывают: нешто старшие, которых отцы, другой раз, задержат дома какою-нибудь работой. И тогда этот большой, рысью, запыхавшись, прибегает в школу»¹.

Что ж, это очень хорошо, что дети идут в школу с легким сердцем, без всяких тревог. В ожидании учителя ученики и ученицы болтают, играют, шалят, как бывает, впрочем, во всех школах. Но вот уже не во всех школах видит учитель при входе в класс то, что находит в классной комнате яснополянской школы. В наших форменных училищах дети обыкновенно сторожат приход учителя и, завидев вдалеке своего наставника, торопливо рассказывают по местам, принимают натянутый, чинный вид, — словом сказать, приучаются скрывать, лицемерить и подобострастничать. В яснополянской школе этого нет.

«Учитель приходит в комнату, а на полу лежат и щипают ребята, кричащие: «мала куча!» или «задавили, ребята!» или «будет! брось виски-то» и т. д. «Петр Михайлович!» кричит снизу кучи голос входящему учителю, «вели им бросить». «Здравствуй, Петр Михайлович!» кричат другие, продолжая свою возню. Учитель берет книжки, раздает тем, которые с ним пошли к шкапу; из кучи на полу — верхние, лежа, требуют книжку. Куча поне-

многу уменьшается. Как только большинство взяло книжки, все остальные уже бегут к шкапу и кричат: и мне и мне. «Дай мне вчерашнюю»; — «а мне *кольцовую*»*, и т. п. Ежели останутся еще какие-нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающие валиться на полу, то сидящие с книгами кричат на них: «что вы тут замешались?» — ничего не слышно. Будет». Уличенные — покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только в первое время, сидя за книгой, поматывают ногой от не улегшегося волнения. Дух войны улетает и дух чтения воцаряется в комнате».

Садятся по местам дети, где кто попал, кому где вздумалось: начальственного распределения мест нет. Зато, принимаясь учиться без всякого принуждения и стеснения, дети учатся с таким же полным усердием, с каким до начала класса шалили. «Во время класса (говорит автор статьи, вероятно, гр. Толстой, а впрочем, не знаем, статья не подписана) я никогда не видел, чтобы шептались, щипались, смеялись потихоньку, фыркали в руку и жаловались друг на друга учителю». Оно и натурально, потому что учатся не по принуждению, а по охоте: кому показалось скучно, может уйти из класса, никто ему не мешает. Иногда случается в яснополянской школе, особенно по вечерам перед праздником, когда дома топят бани, дети расходятся, не досидев класса, но не от скуки, а потому, что вспомнили, что дома их ждут.

«На втором или третьем послеобеденном классе два или три мальчика забегают в комнату и спеша разбирают шапки. «Что вы?» — Домой. — «А учиться? ведь пенё!» — А ребята говорят, домой! — отвечает он, ускользая с своей шапкой. — «Да кто говорит?» — Ребята, пошли! — «Как же так?» — спрашивает озадаченный учитель, приготовивший свой урок, — «останься!» Но в комнату вбегает другой мальчик с разгоряченным, озабоченным лицом. «Что стоишь?» — сердито нападает он на удержанного, который в нерешительности запрокидывает шапку в стену. — «Ребята уж во-он где, у кухни уж, небось». — Пошли? — «Пошли». И оба бегут вон, из-за двери крича: «Прощайте, Иван Иванович!» И кто такие эти ребята, которые решили итти домой, как они решили? — бог их знает. Кто именно решил, вы никак не найдете. Они не совещались, не делали заговора, а так, вздумали ребята домой. «Ребята идут!» — и застучали ножонки по ступенькам, кто котом свалился со ступеней и, подпрыгивая и бултыхаясь в снег, обегая по узкой дорожке друг друга, с криком побежали домой ребята. Такие случаи повторяются раз и два в неделю. Оно обидно и неприятно для учителя — кто не согласится с этим, но кто не согласится тоже, что вследствие одного такого случая, насколько большее значение получают те пять, шесть, а иногда семь уроков в день для каждого класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повторении таких случаев можно быть уверены, что преподавание, хотя и недостаточное и одностороннее, не совсем дурно и не вредно. Ежели бы вопрос был поставлен так: что лучше — чтобы в продолжение года не было ни одного такого случая или чтобы случаи эти повторялись больше чем на половину уроков, — мы бы выбрали последнее. Я, по крайней мере, в яснополянской школе был рад этим, несколько раз в месяц повторявшимся, случаям. Несмотря на частые повторения ребятам, что они могут уходить всегда, когда им хочется, — влияние учителя так сильно, что я боялся, последнее время, как бы дисциплина классов, расписаний и отметок, незаметно для них, не стеснила их свободы так, чтобы они совсем не покорились хитрости нашей расставленной сети порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Ежели

* Так дети называют стихотворения Кольцова.

они продолжают ходить охотно, несмотря на предоставленную им свободу, я никак не думаю, чтобы это доказывало особенные качества яснополянской школы, — я думаю, что в большей части школ то же самое бы повторялось, и что желание учиться в детях так сильно, что для удовлетворения этого желания они подчинятся многим трудным условиям и простят много недостатков. Возможность таких убеганий полезна и необходима только как средство застрахования учителя от самых сильных и грубых ошибок и злоупотреблений».

Превосходно, превосходно. Дай бог, чтобы все в большем числе школ заводился такой добрый и полезный «беспорядок», — так называет его в виде уступки предполагаемым возражателям автор статьи, его панегирист, — а по-нашему, следует сказать просто: «порядок», потому что какой же тут беспорядок, когда все учатся очень прилежно, насколько у них хватит сил, а когда сила покидает их или надобно им отлучиться из школы по домашним делам, то перестают учиться? Так и следует быть во всех школах, где это может быть, — во всех первоначальных народных школах.

Такое живое понимание пользы предоставлять детям полную свободу, такая неуклонная выдержанность этого принципа подкупает нас в пользу редакции журнала, издаваемого основателем яснополянской школы. В предисловии к журналу гр. Л. Н. Толстой говорит, что готов выслушивать возражения против мыслей, кажущихся ему истинными, и что боится он только одного, — чтобы мнения, противные его мыслям, «не выражались желчно, чтобы обсуждение столь дорогого и важного для всех предмета, как народное образование, не перешло в насмешки, личности, в журнальную полемику», которая отвлекла бы от сущности дела к спорам и горячности из-за мелочей. Потому издатель «Ясной Поляны» просит «будущих противников» его мнений «выражать свои мысли» спокойным и безобидным тоном. Из уважения к порядку, установленному им в яснополянской школе, и к его горячей преданности этому доброму порядку, мы исполним его желание; а без этого обстоятельства, — то есть если бы не знали мы, как свободно и легко устроено для детей учение в яснополянской школе, — мы, вероятно, не удержались бы от колкостей при разборе теоретических статей «Ясной Поляны», потому что есть в них вещи, напоминающие о знаменитых статьях г. Даля и г. Беллюстина².

Вот, например, первая статья 1-й книжки, содержащая *profession de foi* * редакции³. На первой же странице автор высказывает недоумение, очень странное. «Отчего это, — говорит он, — народ постоянно противодействует тем усилиям, которые употребляет для его образования общество или правительство?» — Это, говорит он, «явление, непонятное для меня». Оно стало непонятным только потому, что исключительные случаи возведены автором в общее положение. Мало ли чему может иногда противодей-

* Программу. — Рсд.

ствовать народ! При Иосифе II в Бельгии и в Венгрии он противодействовал разрушению феодального порядка; при Аранде и Флориде Бланке⁴ в Испании он противодействовал отменению инквизиции; у нас он противодействовал попыткам ознакомить его с возделыванием картофеля. Если я из этих исключительных случаев выведу общее заключение, будто бы народ «постоянно» противодействовал уничтожению привилегий, преследований, улучшению пищи, то оно действительно выйдет вещь непонятная. Только эта вещь, — то есть постоянство народного сопротивления всему полезному, — вовсе не будет «явление», черта исторической жизни; эта вещь просто будет моя мечта, моя ошибка в построении силлогизма. В некоторых, — пожалуй, в довольно многих, — случаях народ довольно упорно противился заботам об его образовании. Что ж тут удивительного? Разве народ — собрание римских пап, существ непогрешительных? Ведь и он может ошибаться, если справедливо, что он состоит из обыкновенных людей. А почему трудно предположить и то, что в этих случаях виновата была какая-нибудь ошибка или какая-нибудь недобросовестность людей, принимавших на себя заботу о народном образовании? Ведь они тоже были люди; значит, могли ошибаться или могли действовать по эгоистическим расчетам, не соответствовавшим народной потребности. Ни в той, ни в другой альтернативе нет ничего непонятного.

Кроме того, что иногда (очень редко) случается упорное сопротивление со стороны народа образованию, по какой-нибудь случайной ошибке народа или его просветителей, есть еще один факт, который мог ввести редакцию «Ясной Поляны» в заблуждение насчет существенных отношений народа к образованию. Этот факт уже не исключительный, а общий, и проходит через всю историю просвещения. Он состоит в том, что когда кто бы то ни был, — сам ли народ, — то есть большинство простолюдинов, — образованное ли общество, правительство ли задумывает какую-нибудь реформу в народном образовании, реформа на первых порах встречает более или менее сильную оппозицию, — но не исключительно в народе, а точно так же и в образованном обществе (если ею занимается оно) и в некоторых членах самого правительства (если реформу задумывает правительство). Но тут нет никакой специальной черты, относящейся именно только к частному делу народного образования или только к народу. Это общая принадлежность реформ или перемен в чем бы то ни было и с кем бы то ни было, что они не совершаются без некоторой оппозиции, — проще сказать, не совершаются без хлопот, без надобности толковать, рассуждать, убеждать. Возьмите самое простое дело, — например, хоть в какой-нибудь деревне починку моста, который стал плох и который всем в деревне одинаково нужен: все-таки сначала потолкуют и поспорят — кто же? — сами же мужики между собой. Мужики, которые посообразительнее или порешительнее,

раньше других увидят, что надобно чинить мост, а другие думают, что можно еще погодить этим делом; вот вам и неизбежность спора. Да разве в одном народе так? Во всяком классе то же самое. Помните, например, как шли дела о том, нужны или не нужны железные дороги, электрические телеграфы и пр. — и в английских, и во французских парламентах, палатах, в Парижском институте были споры: одним казалось, что эти вещи нужны, полезны, другим, — что они неудобны, вредны.

Штука состоит в том, что везде по всякому делу обнаруживается существование двух партий, консервативной и прогрессивной, вечных партий, соответствующих двум сторонам человеческой природы: силе привычки и желанию улучшений. Естественно, что эти две партии являются и в деле народного образования как в недрах общества, так и в самом народе. Есть мужики и мещане (как есть купцы, чиновники, дворяне), говорящие: будем жить по-старому и воспитывать детей по-старому; есть другие мужики и другие мещане, подобно другим купцам, чиновникам и дворянам, говорящие: постараемся устроить жизнь получше прежнего и станем воспитывать детей лучше, чем воспитывались сами.

Ну, что же тут особенного? Отчего тут смущаться, терять «понимание»?

Есть еще один факт, тоже проходящий через всю историю, — его заметила даже редакция «Ясной Поляны»: мужики стесняются посылать своих детей в школы потому, что сын или дочь помогали бы в чем-нибудь по хозяйству, оставаясь дома, или зарабатывали бы несколько денег на фабрике или в каком-нибудь мастерстве. Это обстоятельство уж действительно прискорбное, когда дела родителей так стеснены, что мысль о пользе детей подавляется необходимостью как можно скорее извлекать из детей что-нибудь на подмогу хозяйству. Но и это разве у одних простолюдинов бывает? Сколько есть небогатых чиновников и дворян, которые принуждены не давать детям учиться, а как можно раньше определять их на гражданскую службу или в юнкера. Очень жаль, что это так; но разве это можно назвать упорством против образования? Вовсе нет, — очень многие из родителей, принужденных так поступать, самые горячие приверженцы образования. Плачут, что не могут дать детям такого образования, как желали бы, но что же делать, когда нет средств? — Ну, разумеется, относительно этого факта недостаточно успокаивать себя психологическими соображениями о врожденной силе консерватизма в человеческой натуре или о неизбежности ошибок, недоразумений и эгоистических целей, о чем рассуждали мы выше. Тут дело не в человеческой натуре, а в недостатке денег; значит, деятели народного образования должны заботиться о том, как бы улучшить материальное положение народа. Но и это опять не какая-нибудь специальная черта только простонародного образования, — и во всяком сословии будет учиться большее количество детей и будут учиться они

дольше, будут образовываться они лучше, если сословие будет пользоваться лучшим благосостоянием. Ни непонятого, ни особенного — тут ровно ничего нет.

Так что же оказалось у нас? Большою помехою ученью детей простолюдинов служит бедность простолюдинов; иногда заботы о народном образовании могут оставаться неудачны по какой-нибудь случайной ошибке или недобросовестности заботящихся, иногда по какому-нибудь случайному недоразумению самих простолюдинов, а во всяком случае, и при успешном, и при неуспешном ходе, улучшение народного образования, как и всякое другое улучшение, имеет против себя людей, в которых консерватизм слишком силен и которые составляют и в простом народе, как и во всяком другом сословии, довольно значительную долю (впрочем, все-таки меньшинство), а другая, тоже довольно значительная доля простолюдинов (как и людей всякого другого сословия) будет очень горячо стоять за улучшение; впрочем, и эта доля, состоящая из людей, в которых прогрессивность решительно преобладает над консерватизмом, также только меньшинство в простом, как и во всяком другом, сословии; а главная масса простонародья, как и всякого другого сословия, будет держать себя нерешительно, выжидать, приглядываться, как идет дело: пойдет оно хорошо, вся эта масса примкнет к прогрессистам; пойдет оно неудачно, вся она примкнет к консерваторам. Что тут особенного и непонятого? Неужели сама редакция «Ясной Поляны» не видела перед своими глазами всего, о чем мы говорим? Наверное встречала она между мужиками таких непоколебимых прогрессистов, которые ломят себе все одно: «ученье — свет, а неученье — тьма», и которых никакие ошибки или неудачи народных просветителей не могут сбить с этого пункта; и наверное видела она, что масса выжидает и говорит: «а посмотрим, что выйдет из начинающихся попыток».

Человек вообще, — не то что в частности простолюдин, а человек, *genus homo* *, или по другим натуралистам — *species homo* **, двуногое млекопитающее, довольно тяжел на подъем, довольно склонен отлагать дело, если на первый раз видит неудачу или хоть не видит большой удачи с первого раза; но эти свойства он обнаруживает по всяким улучшениям, не в одном деле образования; а все-таки, рассуждая хладнокровно, надобно сказать, что он всегда расположен улучшать свое положение по всяким делам; значит, он скорее склонен к образованию, чем упорен против него.

Но редакция «Ясной Поляны», предполагая в мужике какие-то особенные свойства, которых нет в человеке, — то есть просто в человеке, какого бы там он звания ни был, — думает, что народ

* Человеческий род. — Ред.

** Человеческий вид. — Ред.

«постоянно противодействует» заботам помочь его образованию. Ну что, если бы в самом деле было так? Ведь тогда всем нам следовало бы бросить всякие заботы о народном образовании; между прочим, графу Л. Н. Толстому не следовало бы основывать школу, издавать ни его журнала, ни его книжек. Ведь насильно мил не будешь; а навязывать какое-нибудь дело людям, которые вечно должны упорствовать против него по своей натуре, значит напрасно мучить их, напрасно утруждать себя.

Нет, редакция «Ясной Поляны» делает не такой вывод; оно и точно, не следует ей делать такого вывода, потому что она не думает, что народ враждебен образованию: на второй же строке первой страницы первой статьи своей она говорит, что «народ хочет образования», и мы напрасно опровергали противное мнение: она сама его отвергает, как видно из этой второй строки. Но если так, какими же судьбами на 9-й строке той же страницы очутились слова, против которых мы спорили, что будто бы «народ постоянно противодействует» и т. д.? А вот каким способом улаживаются эти две мысли, мало идущие одна к другой: если народ, желающий образования, постоянно противодействует всем заботам о его образовании, это значит, по мнению «Ясной Поляны», что мы, образованные люди, не знаем, чему его учить и как его учить, и никак не можем узнать этого. Что это за странность: возьмите неглупого человека какого хотите сословия, сведите его с неглупым человеком какого хотите другого сословия, и они могут растолковать друг другу, что кому из них нужно; отчего же это такая непостижимая вещь, что никак не могли нам растолковать неглупые люди из простолюдинов, чему нужно учить и как нужно учить их, простолюдинов? Сяду я на постоялом дворе, стану спрашивать проезжих мужиков о чем хотите из их быта, — все их потребности и желания по всякому делу я могу узнать и понять, только будто бы по одному делу образования не могу. Это что-то неправдоподобно.

Но если это такое непостижимое дело, то, почем знать, не нужно ли нашим простолюдинам учиться, например, латинскому языку? Редакция «Ясной Поляны» хохочет: «ну, этого уж им наверное не нужно!» отвечает она. (Или она не в состоянии отвечать даже этого?) А если вы хотя об одном предмете знаете, что его не нужно преподавать в народных школах, так вы, значит, уже имеете некоторое понятие о том, что нужно народу. Ведь судить о том, что не нужно, можно только на основании знания о нужном. Ведь отрицательные ответы основываются же на чем-нибудь положительном.

Или вы ничего не знаете не то что о предметах учения, а только о методах учения? Полноте, и об этом у вас есть верные понятия. Если бы кто-нибудь захотел поступить в яснополянскую школу преподавателем и объяснил, что учить мальчишек нельзя иначе, как таская их за волосы, кормя оплеухами и т. д., ведь вы не при-

няли бы такого преподавателя? (Или приняли бы?) Нет, у вас положен принцип: учить не только без всяких наказаний, даже без всяких наград, и совершенно никакого принуждения не употреблять. Метод прекрасный, за твердость в котором нельзя не сочувствовать вам; но пока дело не в том, что ваш метод хорош, а в том, что у вас есть метод. Зачем же вы говорите, что вы не знаете метода, когда не только знаете, но даже исполняете.

«Да это еще не метод преподавания, это лишь система обращения с учениками». Положим; но из этой системы уж непременно происходит и метод преподавания и притом очень определенный. Если наказывать и принуждать нельзя, нужно преподавать так, чтобы ученье было интересно и легко. Вы так и стараетесь делать. «Да нет, это все еще не метод». Как не метод? Ну вот, если кто-нибудь вам скажет: преподавать русскую историю надобно, заставляя детей зубрить наизусть руководство г. Устрялова, — что вы на это скажете? Опять расхохочетесь. Значит, вы знаете, как не следует преподавать русскую историю, а из этого обнаруживается, что вы знаете, как следует ее преподавать.

Быть может, напрасно мы говорим таким тоном с редакциею «Ясной Поляны». Быть может, она найдет его обидным. Но, воля ваша, ведь досадно слушать, когда люди, основавшие школу и преподающие в ней и даже утверждающие, что устроили свою школу очень хорошо и преподают в ней не дурно, — когда эти люди говорят, что не знают, чему учить и как учить народ, и не знают даже, нужно ли его учить. Полноте, господа, говорить про себя такие пустяки.

А ведь нет, они говорят про себя не пустяки; они действительно не знают, чему и как учить, и есть в их программе, в редакционной статье, которую мы разбираем, такие места, что даже ослабляют надежду на возможность им когда-нибудь узнать и понять это. Слушайте, читатель.

Стр. 8. В России «народ большею частию озлоблен против мысли о школе». Где же озлоблен против школы? против дурных школ, в которых ничему не выучивают, в которых только бьют, терзают детей, притупляют их, развращают их, против таких школ народ, точно, озлоблен; но ведь против них озлоблены и мы с вами. Это значит только, что и мы с вами думаем, и народ думает об этом, как следует думать порядочным и неглупым людям.

Стр. 8. В той же России «все школы, даже для высшего сословия, существуют только под условием приманки чина. До сих пор детей везде почти силою заставляют идти в школу». Это было с грехом пополам правдою лет 20 тому назад или побольше. А теперь разве то? Из нескольких тысяч человек нынешних университетских студентов вы наверное не найдете даже одного десятка человек, которые были бы силою заставлены пойти в университет. Где вы видели таких студентов? Бог с вами, вы говорите бог знает

что. А что касается до чина, даваемого за ученье, то из людей небогатых, которым надобно будет жить жалованьем, конечно, многие интересуются получением чина по праву ученой степени, но и то мало; поверьте, никто из них не учится собственно для чина; но не давать им его, — было бы несправедливостью, потому что ведь получают его на службе их сверстники, которые прямо из гимназии пошли служить. Неужели справедливо было бы, чтобы молодой человек проигрывал по службе тем, что посвятил несколько лет на лучшее приготовление себя к ней университетским образованием? ⁵

Стр. 11. «Образование, имеющее своею основою религию, то есть божественное откровение, в истине и законности которого никто не может сомневаться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насилie в этом случае законно» ⁶.

Стр. 15. «В Германии девять десятых школьного народного населения выносят из школы столь сильное отвращение к испытанным ими путям науки, что они впоследствии уже не берут книг в руки». В противоположность этому можно привести ходячий в низших слоях нашего среднего класса рассказ о том, как «немец землю пашет, а сам в руке книжку держит, читает». — Надобно быть слишком легковерну, чтобы утверждать то или другое.

Стр. 22. В народных школах Марсели преподается «счетоводство», то есть бухгалтерия. «Каким образом счетоводство может составить предмет преподавания, я никак не мог понять, и ни один учитель не мог объяснить мне». Это очень странно. Чего тут не понимать? Марсель — город торговый, и бухгалтерия может пригодиться всякому простолюдину. А что она может быть предметом преподавания, это доказывают все коммерческие училища, в которых читается курс бухгалтерии. Нет, по мнению автора статьи, делать бухгалтерию предметом преподавания не стоит потому, что «она есть наука, требующая четыре часа объяснения для всякого ученика, знающего четыре правила арифметики». Нет, бухгалтером сделаться не так легко; иначе порядочные бухгалтеры не были бы так редки и не получали бы такой большой платы в торговых конторах. Автор статьи не потрудился познакомиться с делом, иначе не порицал бы марсельские школы за преподавание бухгалтерии.

Стр. 26. «Хорошо немцам на основании 200-летнего существования школы исторически защищать ее; но на каком основании нам защищать народную школу, которой у нас нет»? Что такое? что такое? Глазам не верим. Неужели редакция «Ясной Поляны» думает, что это только немцам нужны народные школы, а нам не нужны? Да, повидимому, так, — в этом духе тянется рассуждение на всей 26-й странице. Не нужно, дескать, нам народных школ, потому что «мы, русские, живем в исключительно счастливых условиях относительно народного образования». На следующей странице сначала как будто не то, что не нужно нам школ, а только

то, что наши народные школы не должны быть рабским сколком с западных; но дальше опять то же, — что в школах нет надобности у нас, потому что уже и «в Европе образование избрало себе другой путь, обошло школу», не нуждается в ней (стр. 28). Удивительно.

Тут же, на стр. 27-й, другая удивительная вещь: автор статьи убедился, что «народ подчиняется образованию только при насилии», — ей-богу, так и написано на строке 24-й этой 27-й страницы. — Тут же, 5 строками ниже, третья удивительная вещь: автор статьи убедился, что «чем дальше двигалось человечество, тем невозможнее становился критерий педагогики, то есть знание того, чему и как должно учить». Неужели? Чем больше приобреталось людьми опытности в деле образования, тем менее могли они судить об этом деле? Неужели так? Это противоречило бы тем законам рассудка и жизни, по которым всегда бывает, что чем больше знакомишься с предметом, тем больше знаешь его.

Стр. 29. «Основанием нашей деятельности служит убеждение, что мы не только не знаем, но и не можем знать того, в чем должно состоять образование народа, что не только не существует никакой науки образования и воспитания — педагогики, но что первое основание ее еще не положено, что определение педагогики и ее цели в философском смысле невозможно, бесполезно и вредно». Повторяем: если не знаете, то нельзя еще вам быть основателями школ, наставниками в них, издателями педагогических журналов; вам надобно еще учиться самим, — отправляйтесь в университет, там узнаете. — Но вы думаете, что даже и не можете узнать, — очень жаль, если так, — но это свидетельствовало бы только о несчастной организации вашей нервной системы: если вы не можете понять такой простой вещи, как вопрос о круге предметов народного преподавания, то, значит, природа лишила вас способности приобретать какие бы то ни было знания.

Берем 2-ю книжку «Ясной Поляны» и просматриваем в ней руководящую статью, которая называется: «О методах обучения грамоте». Общий смысл статьи — развитие мысли, что все методы обучения грамоте одинаково хороши или одинаково дурны, так что по какой ни учить, все равно. С такой точки зрения пришлось бы говорить точно то же обо всем на свете. Например, какой способ добывать огонь самый удобный: трение двух кусков дерева друг о друга, или кремень и огниво, или фосфорные спички? — все равно, каждым из этих способов можно достичь огня. Какая бритва самая хорошая: наша ли, доморощенная, из обломка косы, или плохая английская, или хорошая английская? — все равно, всякой можно обрить бороду. Какое <дело> производство самое лучшее: бухарское ли, или наше, или французское? — все равно, по каждому можно решать дела. Ведь подобные ответы свидетельствуют только, что у человека, их дающего,

не установились понятия о предмете. Я, например, о многих предметах принужден давать такие ответы: например, спросите меня, какой метод интегрирования лучше: лейбницевский или ньютоновский, — я решительно не знаю, но слыхивал, что по тому и другому выучивались интегрированию; вот я и отвечаю: все равно, каждый годится. Или спросите меня, какой паровой плуг лучше: Бойлев или Фаулеров? ⁷ Я не могу судить ни о том, ни о другом, но слыхивал, что можно тем и другим пахать; вот я и должен отвечать: оба хороши. Эти ответы показывают только, что я не гожусь быть ни преподавателем высшей математики, ни управляющим завода земледельческих машин, ни английским фермером; ими только прикрывается мое незнание. Помилуйте, как скоро есть два способа делать что-нибудь, то непременно один из этих способов вообще лучше, а другой вообще хуже; а если есть исключительные обстоятельства, в которых удобнее применяется менее совершенный способ, то знающий человек умеет в точности определить и перечислить эти исключительные случаи. А кого эти исключительные случаи смущают так, что он не может разобрать разницу между их особенностями и общим правилом, тот мало знаком с делом. Такое впечатление и производит общий смысл статьи «О методах обучения грамоте». Но кроме общего смысла всей статьи, изумляют в ней многие отдельные места; например:

Стр. 9. «Народ не хочет учиться грамоте». Это напечатано на строке 16-й.

Стр. 10. «Факт противодействия народа образованию посредством грамоты существует во всей Европе».

Стр. 11. «Спор в нашей литературе о пользе или вреде грамотности, над которым так легко было смеяться, по нашему мнению, есть весьма серьезный спор». Неужели? Неужели может казаться не лишенным основательности мнение людей, утверждающих, что грамотность вредна? Да, на их стороне не менее основательности и правды, чем на стороне людей, признающих пользу грамотности, — таков смысл последней половины 11-й страницы. Защитники грамотности — теоретики, противники грамотности — наблюдатели фактов и «те и другие совершенно правы» (страница 11, строка 20), то есть по теории грамотность полезна, а на практике оказывается вредной. Но это еще пока только колебание между двумя мнениями, а в начале страницы 12-й автор уже склоняется на сторону противников грамотности. Он говорит: если ближе всмотреться в действительные результаты нынешнего обучения грамоте, то «я думаю, что большинство ответит против грамотности» (страница 12-я, строка 1-я).

Далее следуют на той же странице 12-й очень неосторожные колкости против людей, занимающихся преподаванием в воскресных школах ⁸. Это уж решительно нехорошо. Каковы бы там ни были люди, умны ли они по-вашему или глупы, но они честные

люди, любящие народ, делающие для него все, что могут. Если вы поднимаете на них руку, от вас должны отвернуться все порядочные люди.

На странице 23-й находятся такие же колкости против людей университетского образования, занимающихся обучением народа, с пояснением, что «понсмари учат лучше их».

Редакция «Ясной Поляны» может оскорбиться тем, как мы обзвевали передовые статьи ее педагогического журнала, может сказать: зачем же вы брали из наших статей только эти места, а не брали других, имеющих совершенно противоположный смысл? Действительно, мы были бы несправедливы, если бы подбирали дурные места с целью сделать из них вывод, что редакция «Ясной Поляны» проникнута духом мракобесия. Но мы этого вовсе не хотим сказать, а хотим только указать ей, какие странные вещи попадают в ее мыслях по отсутствию надлежащего знакомства с предметами, о которых она рассуждает. Мы говорим ей: прежде, чем станете поучать Россию своей педагогической мудрости, сами поучитесь, подумайте, постарайтесь приобрести более определенный и связный взгляд на дело народного образования. Ваши чувства благородны, ваши стремления прекрасны; это может быть достаточно для вашей собственной практической деятельности: в вашей школе вы не деретесь, не ругаетесь, напротив, вы ласковы с детьми, — это хорошо. Но установление общих принципов науки требует, кроме прекрасных чувств, еще иной вещи: нужно стать в уровень с наукой, а не довольствоваться кое-какими личными наблюдениями да бессистемным прочтением кое-каких статей. Разве не может, например, какой-нибудь полуграмотный заседатель уездного суда быть человеком очень добрым и честным, обращаться с просителями ласково, стараться по справедливости решать дела, попадающие ему в руки? Если он таков, он очень хороший заседатель уездного суда и его практическая деятельность очень полезна. Но способен ли он при всей своей опытности и благонамеренности быть законодателем, если он не имеет ни юридического образования, ни знакомства с общим характером современных убеждений? Чем-то очень похожим на него являетесь вы: решитесь или перестать писать теоретические статьи, или учиться, чтобы стать способными писать их.

Редакция «Ясной Поляны» извинит нам жесткость этого приговора, если поймет, как в самом деле дурны многие из вещей, отысканных нами в ее статьях. Она убедится тогда, что мы говорим неприятную ей правду собственно из желания, чтобы она увидела опасность компрометировать себя такими странными тирадами, дурную сторону которых не замечала прежде, конечно, только по непривычке к теоретическому анализу мыслей, к выводу последствий и отыскиванию принципов. Просим ее не сердиться, но если она и рассердится, все равно: мы обязаны перед публикой не селадонничать с «Ясною Поляною», а прямо указать недо-

Статки теоретического взгляда редакции этого журнала, потому что хорошие стремления его могли бы иначе подкупить многих на неразборчивое согласие со всем, что наговорено в «Ясной Поляне». А наговорено в ней все без разбора: и хорошее, и дурное. Сущность дела состоит вот в чем:

За издание педагогического журнала принялись люди, считающие себя очень умными, наклонные считать всех остальных людей, — например, и Руссо, и Песталоцци⁹, — глупцами; люди, имеющие некоторую личную опытность, но не имеющие ни определенных общих убеждений, ни научного образования. С этими качествами принялись они читать педагогические книги; читать внимательно, дочитывать до конца они не считают нужным, — это, дескать, все глупости написаны, до нас никто ничего не смыслил в деле народного образования. Но в прочтенных ими отрывках книг и статей излагаются взгляды очень различные: у одного автора рекомендуется один метод преподавания, у другого — другой, у третьего — третий; у одного автора один взгляд на потребности народа, у другого — другой, и т. д.; по одному автору круг предметов преподавания для народа один, у другого — другой, и т. д. Чтобы разобратъ, кто прав в этой разногласице, нужно тяжелое изучение, нужна привычка к логическому мышлению, нужны определенные убеждения. А эти люди не постарались приобрести ни одного из этих условий, и потому не в силах ничего разобратъ. Вот и явился у них вывод, что ничего нельзя разобратъ, что все вздор и все правда, и все системы никуда не годятся, и все системы справедливы, и науки нет, и предмета нельзя знать, и методов нельзя определить. И осталось им руководиться только своими случайными впечатлениями да своими прекрасными чувствами. Но кое-что они все же читали и запомнили, и — обрывки чужих мыслей, попавшие в их память, летят у них с языка как попало, в какой попало связи друг с другом и с их личными впечатлениями. Из этого, натурально, выходит хаос.

Лучшая часть «Ясной Поляны» — издающиеся при ней маленькие книжки для простонародного чтения, и хороша в них собственно та сторона, для выполнения которой не нужно иметь и убеждений в мыслях, а достаточно иметь некоторую личную опытность и некоторый талант: хорошо в них изложение. Оно совершенно просто; язык безыскусствен и понятен. Как, например, не похвалить манеру рассказа в следующем отрывке:

«Жил был во Франции столяр, звали его Николай. Жена у него померла, а сын остался. Сыну было 4 года. Николай не был богат: у него был дом и было земли немного, — сажал он на ней виноград. С земли Николаю прожить нельзя было, а ходил он по людям работать. Его мальчик один оставался дома. Матери не было, никто не обшивал его; отец жалел мальчика, а жениться другой раз не хотел.

Раз идет Николай с работы домой и слышит: кто-то плачет. Он посмотрел и увидел девку. Девку звали Марья. Сидит она подле камавы и плачет.

Николай ее спросил: — об чем ты плачешь, Марья?

А она говорит: Николай, жила я у Михайлы мужика, задолжала ему десять франков за угол (по-нашему, десять четвертаков). А Михайла мне за долг сундук не отдает, мне теперь нечем сундука выкупить и жить негде. И она заплакала еще пуще. Николай говорит: подожди здесь, я снесу свой инструмент да мальчика Матюшку посмотрю, а тогда подумаем, как быть.

Николай пошел домой, отнес свой инструмент, пообедал с сыном, достал десять франков и пошел на дорогу, где Марья сидела. Ему в ум взошло ее к себе взять. Он пришел на дорогу и говорит: пойдем, Марья, к твоему Михайле, отдадим ему десять франков и возьмем твой сундук. А Марья говорит: кто мне даст 10 франков? А он говорит: пойдем.

Они пошли к мужику к Михайле, взошли в дом; Николай и говорит: «здравствуй, Михайла!» — Здравствуй, чего тебе? — А Николай говорит: «за что ты обидел девку?» — А за то, что не твое дело. — А Николай говорит: «возьми десять франков, а ей отдай сундук».

Марья взяла свой сундук, забрала все имение и говорит: — как я тебе, Николай, отдам деньги? А он говорит: «отдашь», — и позвал ее жить к себе. — «Пойду на работу, а ты за Матюшкой ходить будешь».

Она заплакала и стала за него молиться богу. Марья была девка немолодая, ростом бльшая и здоровая, как мужик. Лицо у ней было дурное, конопатое (рыбое), оттого ее и замуж никто не взял. Она тем жила, что на поденную работу ходила, за ребятами смотрела, когда хозяева на работу уходили. Она за больными ходить хорошо умела. Девка она была смиренная: когда ей за работу ничего не давали, она не спрашивала. Все ребята ее на деревне знали, все любили и нянькой прозвали. Николай взял ее к себе в дом; Марья и стала у него жить, как хозяйка: обед варила, виноград поливала и землю копала. Во Франции землю больше скребкой, чем сохой, работают, оттого, что ее мало. Обед всегда Марья собирала к тому времени, когда притти Николаю с работы, а за Матюшкой так ходить стала, что Николай не нарадуется. У них в доме лучше стало.

Вадумалось Марье, чтобы Николай купил корову и козу. Во Франции козье молоко пьют. Она и говорит: — Николай, купи корову и козу, нам лучше жить будет. — А Николай говорит: я куплю, а кто стеречь будет? — Ты купи, стеречь я сама буду. Матюшка услышал, да и говорит: я с ребятами буду стеречь; шшей только мне сумочку хлеб класть. Я устерегу. Они купили. Марья сшила Матюшке сумку, положила ему хлеба и сыру и послала его с ребятами. Во Франции хлеб белый. Едят его с сыром, а сыр из козьего молока делают.

Надел Матюшка сумочку на спину, перекрестил веревочки на груди и погнал корову и козу. И каждому свое дело было. По воскресеньям Марья с Матюшкой в церковь ходила. Уберет его, обмоет и пойдут вместе, как сын с матерью. Во Франции в церковь ходят с книжками. Придут в церковь, сядут на стулья и читают по книжкам, и в церкви все запоют, когда надо. Священник, так же как у нас, перед алтарем обедню служит, только он бритый и в белой ризе. А народ на стульях сидит, и за стулья деньги берут. У кого есть деньги, тот платит по 5 сантимов (по-нашему, 5 коп. ассигнациями), а у кого нет, тот стоит.

Марья стула не брала, а станвала с Матюшкой либо на ногах, либо брала Матюшку на руки, и ему, как с горы, все видно было, что в церкви делалось: как священник в алтаре служил и как народ в церковь приходил и вон выходил. И стали они жить лучше прежнего.

Стало Матюшке уж семь лет. Николай и говорит Марье: — Марья, надобно Матюшку отдать в училище. — А она ему говорит: «зачем его отдавать в училище, он будет и без твоего учения хорошо работать. Он и так мальчик хороший. Ты грамоте не знаешь, а разве хуже работаешь?» А Николай говорит: неправда твоя, Марья! Если б я знал грамоту, я бы сам записать мог, кто мне что должен, а то не знаю и долги забываю — другой раз и пропадают. Я и сам жалею.

Матюшка услышал, что тетка с отцом говорила, да и говорит: кто же без меня козу стеречь станет?

А отец говорит: устережем без тебя, только уж учишь хорошенько, чтоб мои деньги не пропали. Николай не послушался Марьи и отдал своего Матюшку в училище. И Матюшка стал учиться очень хорошо. Учитель хвалил его. А корову и козу Марья стеречь стала. Когда Матюшке время бывало, он за отцом вечером инструмент нашивал, а по праздникам с теткой Марьей в огороде копал, и все говорили, что мальчик хороший. Так они жили очень хорошо».

Это первая глава повести «Матвей», которою начинается 2-я книжка¹⁰. Все остальное написано точно так же, то есть очень хорошо.

Но в содержании вещей, рассказанных так хорошо, отразился недостаток определенных убеждений, недостаток сознания о том, что нужно народу, что полезно и что вредно для него. Например, в 1-й же книжке после рассказа «Матвей», который по содержанию так себе, помещена суеверная сказка о том, как чорт соблазнял монаха Федора, принимая на себя вид его друга, монаха Василия; и рассказано это таким тоном, как будто в самом деле вот сейчас же может в мою комнату под видом моего приятеля войти чорт, то есть настоящий чорт, как есть чорт. Во 2-ой книжке помещен Робинзон, обратившийся в сказку, лишенную всякого смысла¹¹. За Робинзоном напечатана арабская сказка о горе Сезаме и 40 разбойниках, переделанная на русские нравы. В ней действуют Дуняшка, Евдоким, Петр Иванович, Пахом Сидорыч и т. д. Зачем сделана эта переделка и зачем вынут смысл из Робинзона, — это, конечно, никому неизвестно, в том числе и самой редакции «Ясной Поляны»: ведь нельзя знать, что и как рассказывать народу. А язык рассказов очень хорош¹².